

INSPIRIA

От автора бестселлеров
«ЖЕНА УБИЙЦЫ» И «НОЧНЫЕ ТВАРИ»

ЛЖИВАЯ

ПРАВДА

Он сразу признался
в убийствах, но...

ВИКТОР МЕТОС

INSPIRIA

Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах

Виктор Метос
Лживая правда

«ЭКСМО»

2021

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

Метос В.

Лживая правда / В. Метос — «Эксмо», 2021 — (Ток. Внутри убийцы. Триллеры о психологах-профайлерах)

ISBN 978-5-04-188969-2

Во время их пикника убийца появился из ниоткуда. Уильяму он перерезал горло. Майклу размозжил голову битой, когда тот попал в расставленный капкан. Эйприл связал и живую бросил в костер. Холли смогла убежать, но была настигнута. Оказавшись перед выбором – попасть в руки маньяка или броситься вниз с обрыва, – она выбрала второе. Чудом Холли осталась жива. Убийца же расчленил тела жертв и сложил из них отвратительно непристойную композицию. Редчайший случай – его тут же поймали. Или не его? Арло Уорд буквально вымок в крови жертв. Он тут же взял вину на себя. Но все оказалось не так просто. Диагноз психиатра однозначен: тяжелейшая форма шизофрении с галлюцинациями. И, скорее всего, Уорд невиновен; он просто стал свидетелем убийств и признался, потому что одержим нездоровой жадой всеобщего внимания. Кто же тогда на самом деле сотворил этот ужас?

УДК 821.111-312.4(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-188969-2

© Метос В., 2021

© Эксмо, 2021

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	22
Глава 7	25
Глава 8	27
Глава 9	30
Глава 10	32
Глава 11	35
Глава 12	39
Глава 13	41
Глава 14	43
Глава 15	45
Глава 16	48
Глава 17	53
Глава 18	56
Глава 19	58
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виктор Метос

Лживая правда

Victor Methos
AN UNRELIABLE TRUTH

Text copyright © 2021 by Victor Methos. All rights reserved.

This edition is made possible under a license arrangement originating with Amazon Publishing, www.apub.com, in collaboration with Synopsis Literary Agency

© Саксин С.М., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство Эксмо», 2023

* * *

ВИКТОР МЕТОС

ЛЖИВАЯ
ПРАВДА

INSPIRIA
Москва
2023

*Посвящается всем прокурорам и адвокатам по уголовным делам,
сражающимся до конца*

Глава 1

Холли Фоллоуз кричала до тех пор, пока не охрипла.

Боль была такой невыносимой, что казалось, она не могла зародиться в самом теле. Скорее, что-то постороннее овладело ею и теперь пыталось разорвать ее на части изнутри. Затылок Холли неподвижно лежал на подголовнике; врачи, санитары и медсестры быстро катили ее по больничным коридорам. Она видела лишь сменяющие друг друга лампы дневного света над головой; ее хриплые крики отражались от стен.

– Я умираю?! – кричала Холли. – Я умру?!

Никто не собирался ей отвечать. Это еще больше усиливало ужас, сдавивший ей горло так, что она не могла дышать.

– Мой папа не знает, где я! Я должна позвонить папе! Пожалуйста, дайте мне позвонить папе! Пожалуйста!

Никто не говорил с ней; никто не смотрел на нее и даже не подавал вида, что замечает ее присутствие. Все кричали про травмы, переломы и внутреннее кровотечение. Кто-то орал, требуя сделать рентген и томографию, кто-то зажимал марлей рану у Холли на ноге; марля пропиталась насквозь кровью и стала красной. Казалось, стены и потолок коридоров смыкаются, чтобы раздавить ее, и она воскликнула:

– Ответьте мне хоть кто-нибудь! Пожалуйста!

Медики завернули за угол. К толпе присоединились еще два человека, прежде чем каталку втолкнули в двустворчатые двери в просторное помещение. Разбитый нос Холли не ощущал запахов, а когда одна из медсестер легонько постучала по ногтю на указательном пальце, от него отделился окровавленный обломок.

Когда Холли катили мимо полированных стальных шкафов, она успела мельком разглядеть себя и пришла к выводу, что вид у нее просто кошмарный. Обнаженная плоть, спекшаяся кровь, а еще пятна темной черной крови из ран, которых ей не было видно.

К Холли вернулись образы и звуки, с которыми она пыталась бороться. Густой лес, смех, крики и кровь. Что-то в черном с головы до ног, больше похожее на часть леса, чем на человека. А затем, когда черная фигура была уже совсем рядом, у Холли остался только один выбор: или умереть, или прыгнуть с обрыва в ущелье и получить надежду на спасение.

Холли приняла решение за какую-то долю секунды. Она не знала, осталась ли в живых ее сестра, но отец не сможет обойтись без них. Без Холли или Эйприл он окажется в каком-нибудь пропахшем плесенью подвале приюта, где ему предстоит умереть в полном одиночестве. Холли не могла этого допустить. Отец сделал все возможное, чтобы вырастить дочерей один, и те были готовы ухаживать за ним в старости. Холли должна была остаться в живых – ради отца.

Она думала о своем отце, когда кто-то сказал:

– Дышите глубже.

Что-то легло Холли на лицо, и она стала сопротивляться. Попыталась сорвать с себя это что-то, однако ее держали за руки. Продолжая кричать и вырываться, Холли почувствовала, как некое спокойствие расслабляет ее мышцы. Это ощущение разлилось до кончиков пальцев на ногах, и она заснула.

Глава 2

Дилан Астер сидел за столом рядом со своим подзащитным, размышляя о том, что ожидание возвращения присяжных с вердиктом сравнимо с ожиданием возвращения врача с результатами анализов. Казалось, воздух вокруг них вибрировал. Возможно, от нервозности. Или от скуки. Дилан уже не мог определить.

Его подзащитный Джеральд Дин Уивер выстукивал пальцами на столе какой-то ритм. Прокурор, круглолицый мужчина по имени Иэн, смахнул волосок со своего бежевого костюма. Оглянувшись назад, Дилан увидел на скамьях для зрителей свою напарницу Лили Риччи. Та подмигнула ему, и он, улыбнувшись, снова повернулся вперед. Выглянув в окно, увидел ржаво-красную луну: лунное затмение началось недавно. Здание суда находилось недалеко от Стрип¹, и мерцающие неоновые огни вдалеке создавали впечатление, будто город охвачен огнем.

Присяжные обсуждали вердикт уже семь часов. Когда судья предложил им прерваться и продолжить на следующий день, старшина присяжных заявила, что еще немного – и они примут решение. И вот, судя по всему, это наконец-то случилось.

Судебный пристав, у которого предплечья были толще, чем у Дилана шея, перевесился через перила и беззвучно прошевелил губами вопрос: «Какой счет?»

«Сорок четыре», – так же беззвучно ответил ему Дилан.

Сорок четвертое судебное разбирательство, и если он его выиграет – сорок четвертый оправдательный приговор подряд. И прокуроры, и адвокаты любят хвастаться перечнями своих «непроигранных» дел, однако правда заключается в том, что прокуроры обыкновенно предлагают обвиняемым очень выгодные сделки со следствием, если знают, что могут проиграть в суде, а частные адвокаты всегда могут отказаться от клиентов. Дилан же, напротив, собрал почти все свои победы в качестве бесплатного общественного защитника округа Кларк, прежде чем вместе со своей напарницей открыть свою контору. Общественные защитники не имеют возможности отказываться от клиентов и не браться за дела. Дилан вел в суде худшие из худших дел, какие невозможно выиграть, – и ни разу не терпел поражения.

– Мы ведь должны выиграть, правда? – шепотом спросил Джеральд, склоняясь к Дилану. – Тот коп ведь врал от начала до конца. Думаю, нужно будет подать на него иск.

– Джерри, позвольте раскрыть вам первое правило уголовного права: лгут все, – также склонившись к нему, ответил Дилан. – Обвиняемые лгут, потому что вынуждены, полицейские лгут, потому что *считают*, что должны, ну а свидетели и сами не могут объяснить, почему лгут. Никому не будет никакого дела, что тот полицейский солгал в деле с наркотиками, а если это и заинтересует кого-нибудь, как вы полагаете, сколько вам присудят присяжные в качестве компенсации за моральный ущерб?

Дверь, ведущая в комнату для совещаний, открылась, и судебный пристав рявкнул:

– Встать, суд идет!

В зал вошли двенадцать человек, мужчин и женщин. Присяжные упорно не смотрели ни на прокурора, ни на обвиняемого, однако куда они там смотрели, не имело никакого значения. Дилан сразу же почувствовал энергию, которую буквально излучали присяжные. Они собирались оправдать Джерри, и адвокат предположил, что вся загвоздка была в пожилой женщине, шедшей последней. В ходе отбора присяжных она угрюмо смотрела на Джерри, и недобвольная гримаса у нее на лице красноречиво свидетельствовала о том, что ей хотелось окаяться – Боже милосердный! – в любом другом месте, кроме как в зале суда, и кто-то должен

¹ Лас-Вегас-Стрип – семикилометровый участок бульвара Лас-Вегас за пределами официальной городской линии, где находится большинство крупнейших гостиниц и казино.

был за это заплатить. Однако, убедившись в том, что позиция остальных присяжных непоколебима, женщина, скорее всего, поняла, что продолжение борьбы потребует слишком много сил, и избрала путь наименьшего сопротивления – признать обвиняемого невиновным.

– Насколько я понимаю, присяжные пришли к единодушному решению в данном вопросе? – спросил судья.

Старшина присяжных, стройная женщина в белой блузке и черной юбке, поднялась с места.

– Пришли, ваша честь.

– И что вы скажете?

Взяв протокол вердикта, старшина присяжных зачитала:

– Мы, присяжные, в деле «Штат Невада против Джеральда Дина Уивера» по первому пункту обвинения – распространение запрещенных препаратов – признали ответчика, Джеральда Дина Уивера, невиновным.

Выпустив задержанный вдох, Джерри оперся руками о стол, словно опасаясь не устоять на ногах. Судья попросил всех остаться стоять до тех пор, пока присяжные не покинут зал, после чего поблагодарил Дилана и Иэна за напряженную работу и объявил Джерри, что тот свободен.

Джерри обнял Дилана, потом пожал ему руку, после чего снова стиснул в объятиях.

– Я все-таки хочу подать в суд на того копа, – сказал он.

– Джерри, не надо. Вам светило десять лет в тюрьме Лоу-Дезерт-Плейнс, а вы вышли сухим из воды. Лучше купите пива и отпразднуйте.

Помахав Лили, Джерри покинул зал. Собрав свои бумаги в чемоданчик, Иэн подошел к столу защиты.

– Он виновен как грешник в аду, и вы это прекрасно знаете, ведь так?

– Как насчет того, что я в качестве компенсации за это угощу вас пивом?

– Я собираюсь лечь спать, Дилан. Да и вам тоже неплохо бы немного выспаться. И, черт побери, купите себе новый костюм. У этого такой вид, будто вы именно в нем и спите.

Усмехнувшись, Дилан принялся собирать бумаги и юридические справочники. Он сознательно так одевался, прекрасно понимая, какое впечатление ему нужно произвести на присяжных. Чем лучше выглядит адвокат, тем хуже идут у него дела. Ну а кто не любит неудачников?

– Сорок четыре, – сказала Лили, направляясь к выходу. – По-моему, для нашего штата это рекорд.

– Это была сущая ерунда. – Дилан пожал плечами. – Просто у обвинения были очень шаткие позиции.

– Позиции у обвинения были сильные. Просто ты очень серьезно поработал. А Иэн работать не любит.

Обыкновенно после окончания судебного процесса Дилан испытывал прилив адреналина, однако сейчас такого чувства у него не было. Он чувствовал только усталость и гнетущее сознание того, что завтра он проснется и начнет готовиться к следующему делу, несколько не отдохнув.

– Идем в «Гаррис»? – предложил Дилан. После вынесения приговора он любил ходить в бар «Гаррис», где собирались по большей части адвокаты, судьи и полицейские – в каком-то смысле труженики одной отрасли.

– Нет. Меня ждет Джейк. Я обещала поужинать с ним.

Дилан взглянул на часы.

– Да, пожалуй, я тоже лучше прямиком домой.

Когда они подошли к лифту, там уже ждал полицейский, осуществивший задержание Джерри. Высокий и худой, с густыми усами, он в ходе процесса не раз бросал на Дилана ярост-

ные взгляды. Все молча зашли в лифт. Лили нажала кнопку первого этажа, и кабина пришла в движение.

– Даже не знаю, как вы можете этим заниматься, – наконец сказал полицейский. – Не представляю себе, как вы можете жить со своей совестью, вытаскивая таких подонков.

Лифт звякнул, и двери открылись.

– Позвольте дать вам один совет, – повернулся к полицейскому Дилан. – Не задерживайтесь в полиции слишком долго. Это омрачит ваш взгляд на людей, и до конца жизни вы останетесь циником.

Он вышел из лифта.

– То же самое относится и к вам, адвокат, – бросил ему вдогонку полицейский. – Если защищать таких мерзавцев слишком долго, станешь таким же, как и они.

Должно быть, Лили почувствовала, что эти слова задели Дилана, потому что она подхватила его под локоть.

– Это просто маленький человечек, Дилан, недовольный тем, что кто-то бросил вызов его власти. Не обращай на него внимания. Мы делаем важное дело.

Они вышли на улицу, и Дилан вдохнул полной грудью вечерний воздух. Воздух был горячий, как из духовки, и в нем чувствовался смрад выхлопных газов, но все же это было лучше затхлой атмосферы зала заседаний.

– Точно не хочешь пива? – спросил Дилан.

– Джейк получил повышение в своей фирме, и мы решили провести романтический вечер вдвоем. В последние несколько месяцев у нас были сплошные судебные заседания, и мы с Джейком нормально не встречались.

Сказав, что они увидятся завтра на работе, Лили направилась к своему пикапу, стоявшему на противоположной стороне улицы. Дилан проводил взглядом, как она села в машину и отъехала. Дав газу, Лили промчалась мимо здания суда, пытаясь успеть на зеленый сигнал светофора на перекрестке. Дилан помахал ей вслед.

Вздыхнув, он оглянулся по сторонам. Повсюду стояли люди, фотографируя красно-бурую луну, окрасившую небо в такой красный цвет, какого Дилан еще не видел.

Какое-то время он смотрел на луну, затем направился к своей машине.

Глава 3

Келли Уайтвульф проснулась от вибрации лежащего на кровати телефона. Она задремала, смотря по телевизору документальный детектив. Телевизор по-прежнему работал с приглушенным звуком. Схватив телефон, Келли бросила заспанный взгляд на экран и увидела, что звонивший определился как «Хэнк Филипс». Выключив телевизор, Келли ответила на вызов:

– Ты знаешь, который час?

– Я подумал, еще не очень поздно, – сказал Хэнк.

Шумно втянув воздух, Келли уселась в кровати. Комната купалась в мягком красном свете, и Келли не сразу сообразила, что сегодня обещали «кровавую луну»². Она потрогала пустую половину кровати; постельное белье было прохладным.

После рождения близнецов ее брак рассыпался. Келли и ее бывший муж действовали слишком поспешно; они оказались не готовы к тому, какой стресс привнесут в их отношения дети. Поэтому с тех самых пор, как ее дочерям исполнилось полгода, Келли была матерью-одиночкой.

У нее мелькнула мысль, каково было бы просыпаться в одной кровати с тем, кто останется рядом на протяжении всего дня и поможет, когда у нее больше не будет сил.

– Келли, ты меня слушаешь?

– Да, да, погоди минутку. – Повернувшись к кофеварке, стоящей на комод, Келли включила ее. – Что случилось? – спросила она, когда послышались знакомые булькающие звуки и воздух наполнился ароматом свежего кофе.

– Тебе неплохо бы приехать в участок. У нас тут... В общем, это самая настоящая бойня, Келли.

– Что ты имеешь в виду?

– Именно то, что я сказал. Четверо молодых людей в Каньоне Койота. Одна девочка осталась в живых, но она в реанимации в клинике Рузвельта. Здорово переломалась. Остальные трое... я хочу сказать, ничего подобного я еще не видел. Ну, почти.

Хэнк прослужил в полиции больше двадцати четырех лет, из которых шестнадцать – в отделе по расследованию убийств и грабежей управления шерифа округа Джексон. Его слова о том, что ничего подобного он еще не видел, стали для Келли холодным душем.

– У нас тут задержанный подозреваемый.

– Так быстро?

– Патруль остановил его на автостраде Ай-пятнадцать за превышение скорости. Когда ребята заставили его выйти из машины, по их словам, он был насквозь мокрым от крови. Я только что из камеры, куда его поместили. Патрульные сказали правду. Он в крови с головы до ног.

– Уже выезжаю.

Сходив в туалет, Келли заскочила в душ, затем надела черный брючный костюм. Залпом проглотив двойную порцию крепкого черного кофе, она выдвинула ящик, в котором лежал золотой значок с надписью: «Прокуратура округа Джексон».

Иногда Келли брала с собой оружие, однако сегодня решила оставить пистолет дома. Первая женщина-прокурор округа, в свое время она получала много угроз. Кое-кому из ветеранов не понравилось то, что их отодвинула в сторону женщина, тем более индианка.

² «Кровавая луна» – эффект, который можно наблюдать при лунном затмении, заключающийся в том, что, загороженная тенью Земли, Луна продолжает освещаться распространяющимися в земной атмосфере лучами, прежде всего теми, которые располагаются на красной стороне спектра.

Хотя округ был маленьким и находился в пустынных землях на северо-западе Невады, в последнее время количество жителей в нем росло экспоненциально. Келли уже не раз обращалась с просьбой в совет округа выделить ей еще пять заместителей, однако совет медлил, ссылаясь на нехватку средств. Никто из чиновников не хотел в открытую отказать на просьбу правоохранительных органов об увеличении численности сотрудников, однако у всех у них были свои любимые проекты, также требовавшие финансирования. В целом совет состоял именно из тех людей, которых Келли терпеть не могла: они были готовы сказать все что угодно, лишь бы вышло как выгодно им.

Прокравшись на цыпочках мимо комнаты тети Нойи, Келли заглянула в спальню детей. Бетани и Белла крепко спали на двухъярусной кровати. Белла обнимала розового плюшевого кролика, а Бетани, спустив руку с верхней кровати, лежала, уткнувшись лицом в подушку. Поцеловав дочерей, Келли оставила на холодильнике записку для Нойи, сообщив, что ей пришлось срочно уехать на работу, и она вернется, как только сможет.

Согласно обычаям племени, старики, которые уже не могли обслуживать себя, перебирались к своим молодым родственникам, чтобы те брали на себя заботу о них. Однако Келли вынуждена была признать, что Нойя помогала ей в гораздо большей степени, чем она ей.

Когда холодной ноябрьской ночью убили мать Келли, ей было всего двенадцать лет, и именно тетя Нойя взяла ее к себе и объяснила, что жизнь движется по кругу и на самом деле мать покинула их не навсегда. Слова тетки, сказанные в ту ночь и в бесчисленные другие ночи, стали тем единственным, что не позволило психологической травме укорениться так крепко, что Келли, пожалуй, и не смогла бы ее вырвать.

Управление шерифа находилось недалеко от ее дома. Прямоугольное кирпичное здание, в каких в шестидесятых располагались офисные помещения, уже давно стало для Келли родным и близким. Она начала свою работу здесь двадцать лет назад в качестве помощника шерифа. Сейчас Келли тепло вспоминала патрульную машину, но тогда, работая в ночные смены, а днем учась на юридическом факультете, она могла думать лишь о том, как бы поскорее стать прокурором.

Войдя внутрь, Келли никого не застала за столиком дежурного и направилась вглубь по коридору в комнату для допросов. Из комнаты для отдыха выглянула помощник шерифа, молодая девушка по имени Синди. Увидев Келли, она улыбнулась и протянула ей пластиковый стаканчик с кофе.

– Только что приготовила.

Взяв стаканчик на ходу, Келли сказала:

– Ты лучшая из лучших!

Дойдя до конца коридора, она заглянула сквозь стекло с односторонним обзором в комнату для допросов, не обращая внимания на Хэнка и его напарника Сила, вполголоса разговаривающих шагах в десяти.

Мужчина за стеклом в этот момент как раз садился. Он был худой, с темно-русыми волосами и осунувшимся лицом, болезненно-бледным. Келли сразу же мысленно отметила, что его большие карие глаза наполнены горем. Опустившись на стул, мужчина принялся медленно раскачиваться взад и вперед. Келли отметила все это в одно мгновение, однако в первую очередь ее поразила кровь.

Хэнк нисколько не приукрасил: казалось, этот человек искупался в крови. Засыхая, кровь становится красновато-бурой, но если попытаться отстирать ее, скажем, с помощью сильного отбеливающего средства или мыла, она, высохнув, приобретет тусклый серый цвет, поскольку гемоглобин разрушится. Эта кровь была ярко-красная, из чего следовало, что ее было много и задержанный не пытался ее отмыть.

Одежда неизвестного состояла из простой белой футболки и джинсов, однако белого практически не было видно из-за крови. Кровью были покрыты руки мужчины и его волосы.

Лицо тоже было перепачкано кровью, словно он взял в пригоршню кровавую грязь и размазал ее по коже.

– Матерь божья... – пробормотала Келли.

Подойдя к ней, Хэнк заглянул в стекло.

– Да... но он сказал, что не виновен.

– То есть?

Хэнк засунул руки в карманы.

– Он говорит, это демон сказал ему так сделать.

– Демон?

– Так он говорит. – Хэнк кивнул. – Но вот то, что ты должна посмотреть. Это снимки с места преступления. Ты должна вспомнить.

Он протянул Келли папку. Внутри лежали глянцевые фотографии из дела, о котором она думала каждый день с тех пор, как шесть лет назад закрыла папку и отправила его в подвал, в архив нераскрытых преступлений.

– Это почти в точности напоминает...

– Вот именно, – перебила Хэнка Келли. Она быстро оглянулась на Сила. – Он знает?

– Нет. Только ты и я.

Закрыв папку, Келли постучала ею Хэнка по груди, оставив прижатой к сердцу.

– Никто не должен об этом знать – пока.

– Понимаю.

– Хэнк, я говорю совершенно серьезно. Это должно остаться между нами. Дров наломали мы вдвоем, и мне нужно время, чтобы убедиться в том, что это он.

Кивнув, Хэнк снова посмотрел на человека, сидящего в комнате для допросов.

– Ты правда думаешь, что этот тип может...

– Да, – сказала Келли, доставая из сумочки кретек³.

Хэнк щелкнул зажигалкой, давая ей прикурить. Выпустив облако дыма, Келли добавила:

– Каждый человек способен на все, Хэнк. Просто его необходимо поместить в нужные обстоятельства.

³ Кретек – индонезийские сигареты, в которых, помимо табака, содержится гвоздика (а также другие растительные вкусовые добавки).

Глава 4

К тому времени как Дилан по дороге домой заехал в магазин за продуктами, «кровавая луна» побледнела до медно-оранжевой.

Домом было одноэтажное здание в маленьком городке Джейнсвилл на самой окраине округа Кларк. Отец Дилана построил его своими собственными руками.

Его отец был крупный мужчина, высокий и мускулистый, и в памяти Дилана он остался великаном. Не только в смысле своих габаритов, но также и вследствие отчужденности, недоступности. У него перед глазами возник образ отца, каким он видел его в последний раз: лежащим на больничной койке с отходящими от него трубками. Врач объяснял Дилану и его матери, что пули так сильно повредили легкие и почки, что спасти ему жизнь не удалось.

Дилан отнес продукты в дом. Телевизор был врублен на полную громкость. Двенадцатилетняя сестра Дилана Марки сидела на диване и смотрела мультфильмы. Лицо у нее было перепачкано пятнами от джема и всего остального, что она ела недавно.

– Привет, Дилан!

Когда Дилан приходил домой, сестра встречала его улыбкой до ушей и радостным блеском в глазах. Поставив продукты на стол, Дилан взял Марки за круглое личико и поцеловал в лоб.

– Где мама?

– Смотрит свое шоу.

Пройдя в спальню, Дилан застал мать в махровом халате на кровати. Глаза у нее остекленели от нейролептиков, единственным эффектом которых, похоже, было то, что она спала по шестнадцать часов в сутки.

Мать никак не реагировала на появление Дилана до тех пор, пока он не сказал:

– Мама, я принес ужин.

– Что там у тебя?

– Курица.

– Сейчас приду.

Мать потянулась за ходунками, и Дилан пододвинул их, после чего помог ей встать с кровати и пройти на кухню.

– Марки! – окликнул он, накрыв на стол. – Иди есть!

Марки встала с дивана и направилась к столу, не отрывая глаз от телевизора.

– Ой! – вскрикнула она, налетев на угол стола.

Дилан фыркнул.

– Дилан, не смейся над ней. Она этого не любит.

– Марки знает, что я ни за что на свете не стану смеяться *над ней*.

Когда они разобрали по тарелкам курицу и картошку, мать сложила руки на груди и прочитала молитву, закончив ее, как всегда, словами:

– И да будет благословен наш папа, который знает, что мы его любим и скоро увидимся с ним.

Когда Дилан был маленьким, это «скоро увидимся с ним» очень его беспокоило. Мать что-то знала о том, когда смерть придет за ними, или же психическое расстройство не позволяло ей принять то, что ее мужа больше нет?

После ужина Марки снова растянулась на диване, со смехом наблюдая за тем, как на экране мультяшная акула гоняется за собакой. Мать Дилана приняла таблетки, которые замедляли приступы шизофрении, но нагоняли на нее сонливость, и вскоре из спальни уже доносился ее храп. Заглянув к ней, Дилан вернулся к сестре.

– Марки, пора ложиться спать.

– Нет, Дилан, нет! Я хочу досмотреть до конца! Сейчас будет самое интересное.

Вздыхнув, Дилан сел рядом с сестрой. Девочка училась в специальной школе, занятия в которой по необъяснимым причинам начинались в семь утра, а не в девять, как в обычных школах.

На потолке в углу Дилан увидел трещину, которую собирался заделать уже девять недель. Теперь, после выигранного сорок четвертого судебного процесса подряд, он окончательно убедился, что в штате не осталось адвокатов, способных повторить его рекорд. Партнеры крупных юридических фирм, не знающие, как связать пару слов, обращаясь к присяжным – а всю настоящую работу за них выполняют помощники, – получают гонорары, которые измеряются шести- и семизначными цифрами. А у него не хватает денег, чтобы нанять мастера заделать трещину в потолке... Эта вопиющая несправедливость наполняла его горечью, и он старался думать о ней пореже.

Обняв сестру за плечо, Дилан стал смотреть вместе с ней мультфильм – но усталость позволила ему продержаться глазами открытыми лишь пару минут, после чего он провалился в сон.

Глава 5

Несколько недель постоянных встреч с клиентами и присутствия на судебных заседаниях настолько истощили Дилана, что он начинал уже подумывать о том, чтобы устроить себе небольшой отдых. Однако на следующий день проснулся утром так, как просыпался всегда: от сигнала будильника. Дилан терпеть не мог этот звук. Слыша его, он скрежетал зубами, вспоминая то время, как он, еще подросток, вставал ни свет ни заря, чтобы сходить на работу, на которой он занимался низкоквалифицированным физическим трудом, после чего отправиться на занятия в школу.

Отключив будильник, Дилан подошел к зеркалу в ванной и посмотрел на шрам на шее. В отличие от будильника, о шраме ему по большей части удавалось не вспоминать. Проведя по нему пальцем, Дилан ощутил небольшую выпуклость. Едва заметную, но все-таки она присутствовала.

Приняв душ и одевшись, Дилан проверил рабочий календарь и увидел, что на два часа назначено судебное заседание. Приготовив завтрак для Марки, он оставил еще одну тарелку на столе для матери, когда та проснется.

– Я тебя люблю! – Обняв его, сестра выбежала на улицу, торопясь на автобус.

Дилан провожал ее взглядом. В дверях автобуса Марки обернулась и помахала ему рукой. Улыбнувшись, он помахал в ответ.

Рождение дочери стало для родителей Дилана полной неожиданностью. Отец умер еще до того, как ей исполнился год, и в семье единственным мужчиной остался брат. По большей части Дилану казалось, что он недостаточно хорош, что не может заменить девочке отца, однако он старался изо всех сил. Каждое утро готовил для Марки завтрак, и какое бы изнурительное дело он ни вел, старался по возможности возвращаться домой пораньше, чтобы накормить ее ужином.

Но затем Дилан получил предложение от крупной юридической фирмы из Лос-Анджелеса, следившей за его успехами. Звонок с приглашением на собеседование явился громом среди ясного неба. После долгого разговора по телефону и двух личных встреч на прошлой неделе пришло официальное предложение. Дилан со страхом думал о том, как сообщить об этом матери. Любая перемена в жизни выведет ее из психического равновесия, лишив возможности мыслить рационально до тех пор, пока она не привыкнет к изменениям. Дилан не знал, насколько сильной окажется реакция матери, когда он скажет ей, что они переезжают в Лос-Анджелес. А если мать наотрез откажется перебираться на новое место, они с Марки все равно переедут, и он будет посылать ей деньги.

Дорога на машине до юридической конторы «Астер и Риччи» заняла сорок минут. Прежде чем свернуть на подземную стоянку, Дилан отметил очередь, образовавшуюся перед входом в здание окружного суда, расположенного напротив. Люди ждали, когда пристав отперет двери.

Комплекс «Билтмор» имел шесть этажей, и Дилан с Лили занимали две комнаты на третьем. Поднявшись на лифте, Дилан поздоровался с секретаршей, волосы у которой после вчерашнего темно-бордового цвета стали зелеными. Отперев свой кабинет, он вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Окна выходили на здание суда, и Дилан постоял перед ними, глядя на очередь. Его не переставало поражать то, что юридическая система вообще работала, учитывая то, сколько людей вынуждены были проходить через нее каждый день.

Пришло чувство, в последнее время появлявшееся частенько, когда он стоял у окна и смотрел на здание суда. Раньше такого с ним не случалось, и тем удивительнее было то, что он испытывал его сейчас: это была скука.

В кармане завибрировал телефон. Определитель показал, что звонили из прокуратуры штата.

– Дилан слушает.

– Привет, Дилан, это Джессика Ярдли.

Сев в кресло с высокой спинкой, Дилан закинул ноги на стол. В прошлом году они с Ярдли были противниками в одном из самых интересных дел, которыми он занимался: в деле «Палача с Багряного озера»⁴.

– Давненько не виделись, – сказал Дилан. – Как дела в зоопарке? Я имею в виду прокуратуру штата.

– Хочешь верь, хочешь не верь, но я рада, что осталась здесь работать. А ты как?

– Да так, помаленьку... Итак, у нас новое совместное дело или ты просто по мне соскучилась?

– На самом деле я звоню тебе по личной причине. У меня есть знакомая, она общественный защитник в округе Джексон. Ты там часто появляешься?

– Ну, несколько дел в год. А что?

– Несколько недель назад ей досталось одно сложное дело, и она спросила, есть ли у меня человек, с кем она могла бы поговорить. Ее подзащитного могут приговорить к высшей мере, а ей еще не приходилось заниматься делами, в которых светит смертный приговор.

– Что это за дело?

– По-видимому, тройное убийство. Делом уже заинтересовалась пресса, так что, не сомневаюсь, скоро ты о нем услышишь.

Дилан уже занимался делом о тройном убийстве: его подзащитный устроил бойню на заправке, пытаясь ее ограбить. Ему удалось уладить дело, устроив сделку со следствием, благодаря которой подзащитному сохранили жизнь, но отправили до конца дней за решетку без права условно-досрочного освобождения.

В делах о массовых убийствах улик всегда так много, что защитнику одержать победу крайне сложно. Впервые за долгое время Дилан испытал восторженное возбуждение.

– Понятно. Да, я с радостью поговорю с твоей знакомой. Диктуй телефон.

Записав номер в блокнот, он спросил:

– А почему ты обратилась именно ко мне?

– Напрашиваешься на комплимент, да? – усмехнулась Ярдли.

– Хуже от этого не бывает.

– Ты же знаешь, *что* я думаю о твоей работе. Судя по голосу, моя знакомая была перепугана до смерти, и я решила посоветовать ей лучшего адвоката из всех, кого знаю.

Дилан просиял, гадая, не залился ли он вдобавок краской. Подобные похвалы неизменно приводили его в смущение – вероятно, потому, что в детстве он их слышал крайне редко. Его отец считал, что любое проявление чувств или похвала делает ребенка слабым, а у матери бывали длительные помутнения рассудка. Дилан воспитывал себя и сестру без особого руководства со стороны родителей.

– Ладно, хорошо, я ей позвоню. – Дилан откинулся на спинку кресла. – Ну а ты когда прекратишь работу в прокуратуре и присоединишься к нам с Лили?

– Может быть, в другой жизни, – усмехнулась Ярдли. – Но я ценю твое предложение, Дилан.

– Всегда пожалуйста.

Окончив разговор, Дилан посмотрел на то, что записал в блокноте. «Мэдлин Исмера». Он снова взял телефон.

⁴ См. роман В. Метоса «Ночные твари».

– Алло! – ответил мягкий женский голос. Дилан представился, и женщина сказала: – О господи, спасибо за то, что позвонили! Джессика обещала с вами связаться.

Голос ее показался невероятно молодым, и Дилан вспомнил, как сам только начинал работу юристом и каким сложным ему все казалось.

– Рад буду вам помочь. Итак, похоже, у вас что-то интересное.

– Арло Уорд, – вздохнула Мэдлин Исмера. – Его задержали несколько недель назад. Он обвиняется в убийстве трех человек в Каньоне Койота. Точнее, в убийстве с особой жестокостью. Есть и четвертая жертва, но она осталась в живых. Поэтому ходят разговоры о том, что вследствие жестокости преступления может быть вынесен смертный приговор, а я такими делами еще никогда не занималась. Похоже, в нашем штате особого опыта для этого не требуется, поэтому дело просто поручили мне.

Дилан прекрасно понимал, почему это дело досталось новичку. В большинстве округов нет постоянного корпуса общественных защитников, поэтому каждый год им приходится составлять запросы. Это означает, что уже прокуратура штата определяет, кто получает контракты и каким адвокатам достается то или иное дело. Наверху решили скинуть это преступление на того, кто быстренько заявит о виновности подзащитного. И лучшим выбором для этого оказалась Мэдлин.

– Вы можете отказаться. Передать дело другому общественному защитнику, имеющему больше опыта.

– Очень хотелось бы. Но я всего два года назад окончила юридический факультет, и этот контракт является для меня единственным источником дохода. Если раз за разом отказываться от дел, скоро я никому не буду нужна. Особенно если завалю такое крупное дело.

– Что в нем не так?

– Что вы имеете в виду?

– Вам поручили это дело в надежде на то, что вы побыстрее убедите своего подзащитного признать вину. Это означает, что обвинение чего-то опасается. Вы не знаете, чего именно?

– Ну, этот Арло... он не совсем нормальный. У него шизофрения. Очень сильная форма, со зрительными и слуховыми галлюцинациями.

– Да, возможно, это все объясняет. Его могут признать невменяемым, в этом случае он не сможет предстать перед судом, а такое дело получит особое внимание со стороны средств массовой информации, и общественность будет требовать крови. Если обвиняемого отправят в лечебницу, откуда он сможет когда-нибудь выйти, это получит плохой резонанс. Кто обвинитель?

– Окружной прокурор Келли Уайтвульф. Она взяла дело себе.

– Она самый настоящий бультерьер! – присвистнул Дилан.

– Спасибо, вы меня очень обрадовали.

Дилан усмехнулся.

– Конечно, в таком деле противостоять агрессивному прокурору крайне сложно, но Уайтвульф умна. Она поймет, что обвиняемый невменяем, и, скорее всего, предложит приемлемую сделку.

Последовала короткая пауза, и Дилан догадался, о чем думает его собеседница. Мэдлин хотела, чтобы он ознакомился с делом.

– Вы не могли бы... ну хотя бы просто прочитать полицейские протоколы и сказать, что думаете? Я о вас много слышала. Как и любой адвокат в нашем штате. Вы очень поможете Арло, если просто взглянете на дело, учитывая то, какая у вас репутация.

– У меня есть знакомый в округе Джексон. Он хороший специалист. Давайте я ему позвоню.

– Да, хорошо. Просто я надеялась, что вы сами займетесь этим...

– Мэдлин, в настоящий момент у меня дел по горло. Вот-вот начнется процесс против участников федерального заговора, в нем больше двухсот часов записей камер наблюдения и шестьдесят свидетелей. Сейчас я никак не могу связываться с тройным убийством.

Как раз в этот момент в кабинет вошла Лили. Она подняла брови, услышав про «тройное убийство». Усевшись напротив Дилана, положила руку на спинку соседнего кресла.

– Да, конечно, – смущенно пробормотала Мэдлин. – Я вас прекрасно понимаю. Да, если вы попросите вашего знакомого позвонить мне, я буду вам очень признательна.

– Рад буду вам помочь.

Окончив разговор, Дилан положил телефон на стол.

– Тройное убийство? – спросила Лили.

– Какой-то тип предположительно убил несколько человек в Каньоне Койота. Джессика Ярдли знакома с общественным защитником. Она попросила меня позвонить ей. Защитница не имеет опыта ведения дел, за которые грозит высшая мера, поэтому она хотела, чтобы я с ним ознакомился. Ну а я просто хочу попросить Роджера связаться с ней.

– Так. – Лили кивнула.

– Что? – встрепнулся Дилан.

– Я молчу.

– Лил, ну-ка, выкладывай, что у тебя на уме.

Лили смахнула пылинку со своего иссиня-черного костюма.

– Ну-ну, – сказала она, не глядя на своего партнера, – Джессика могла позвонить любому адвокату в штате.

– Да, и что с того?

– А позвонила она тебе... Никогда не мешает оказывать любезности прокурорам. А это дело привлечет внимание средств массовой информации. Бесплатная реклама – лучшая реклама. Если мы хотим расти и перестать подбирать крохи, нам нужно брать за подобные дела.

Дилан неуютно заерзал в кресле.

– Похоже, дело обещает быть жестоким. У этого типа шизофрения. Нет, с тем ворохом дел, что на мне сейчас, я не могу этим заняться.

– Дилан, если хочешь, ты можешь продолжать заниматься остальными делами. У тебя правда полная запарка или же ты боишься, что бедолагу приговорят к игле⁵?

Дилан вынужден был признать, что его напарница попала в самую точку.

В Неваде дело об убийстве первоначально рассматривается в суде в широком смысле, то есть сюда входят убийства первой и второй степеней⁶ и даже непредумышленное убийство. И уже присяжные решают, какому именно типу убийства соответствуют обстоятельства, при которых оно было совершено. В тех случаях, когда обвинение добивается смертного приговора, присяжные практически всегда с ним соглашаются вследствие особого отбора присяжных – только среди тех, кто не является принципиальным противником смертной казни.

– Это... это тут совершенно ни при чем.

– Ты никогда не любил дела, в которых светит высшая мера. Проигрыш означает смерть клиента, однако в нашем ремесле от этого никуда не деться, Дилан.

Он постучал пальцами по столу.

– Я не могу за него взяться.

⁵ В штате Невада смертная казнь осуществляется с помощью инъекции.

⁶ Убийство первой степени в уголовном законодательстве США – умышленное и заранее спланированное убийство, а также в основном те случаи, когда преступник отнял чью-то жизнь в ходе совершения опасного преступления, даже если не намеревался убивать; убийство второй степени – умышленное, но не спланированное заранее убийство, а также в основном те случаи, когда убийца, имея намерение не убить жертву, а лишь нанести ей тяжкие телесные повреждения, должен был осознавать, что они могут повлечь смертельный исход.

– Почему?

Дилан не собирался признаваться своей партнерше в том, что ему неуютно общаться с клиентами, страдающими шизофренией. Он воочию видел, как прогрессирует это заболевание, разрушая человеческую жизнь, и не мог не думать о своей матери.

– Просто не могу.

Снова кивнув, Лили встала.

– Хорошо. Но ты вспомни время сразу после окончания юрфака и то, что мы чувствовали, когда нам на помощь приходил опытный юрист. Это было все равно что спасательный круг в шторм, разве не так?

С этими словами она ушла, а Дилан остался сидеть, уставившись на открытую дверь.

Проклятье!

Глава 6

Заседание закончилось. Это было дело о торговле наркотиками; при обыске в машине у клиента Дилана нашли живую змею, набитую кокаином. Как оказалось, змея остается живой еще какое-то время после того, как ее хирургическим путем вскрыли, набили ей живот, после чего снова зашили.

Дилан вышел из здания суда. Ярко светило солнце, на небе не было ни облачка. Май был у Дилана любимым месяцем, и он подумал, не потому ли это, что в детстве май означал окончание учебы в школе и начало летних каникул.

Дилан вспомнил те летние месяцы, когда его мать бывала так накачана лекарствами, что с трудом могла здороваться с ним по утрам. Затем наступал день, когда рассудок ее светлел, и она нормально общалась с сыном, но уже на следующий день казалось, будто этого никогда не было. Шизофрения опустошает близких больного, потому что любимый человек навсегда остается там, под обломками своей личности. Надежда на то, что он поправится и снова станет прежним собой, не угасает, однако этого не происходит никогда.

По-видимому, Арло Уорд совершил убийства во время психопатического срыва и, вполне вероятно, сейчас ничего не помнит. Если это действительно так, невозможно представить, какой шок он испытал, когда ему впервые рассказали о том, что он сделал.

Шумно выдохнув, Дилан позвонил Мэдлин Исмера.

– Аллю!

– Я быстро – очень быстро взгляну, что к чему, и выскажу вам свои соображения. Скиньте мне на почту то, что у вас есть.

– О, я вам бесконечно благодарна! Огромное вам спасибо!

– Рано меня благодарить; может статься, я не открою вам ничего такого, чего вы сами не знаете.

– Неважно. Для меня большим подспорьем станет уже одно то, что кто-то еще взглянет на дело. Я сейчас же высылаю вам все материалы.

До Дилана вдруг дошло, что он еще не обедал, поскольку заседание продлилось дольше, чем предполагалось, поэтому он направился на Стрип, расположенную неподалеку. Хотя Дилан и любил май, один из его недостатков заключался в том, что иногда в этом месяце на Лас-Вегас обрушивалась невыносимая жара. Дилан снял пиджак, развязал галстук и закатал рукава сорочки, мокрой от пота.

В ресторане, куда он зашел, было полно народа, и ему пришлось ждать, когда освободится столик. Когда Дилан наконец сел, он заказал сэндвич и стакан содовой и открыл электронную почту. В присланном Мэдлин сообщении содержались отсканированные полицейские отчеты по делу Арло Уорда. Немногочисленные, поскольку дело было совсем свежим, но замечания следователей могли оказаться полезными.

В первую очередь Дилан ознакомился с полицейским отчетом. Составленный следователем Хэнком Филипсом – и если учесть, что у него в распоряжении имелись лишь предварительные протокол о вскрытии и результаты криминалистической и токсикологической экспертиз, – отчет был поразительно подробным и абсолютно опустошительным. Жертв было четыре: Эйприл Фоллоуз, Майкл Тернер, Уильям Пейдж и Холли Фоллоуз.

Эйприл Фоллоуз умерла, задохнувшись дымом; на лице и на теле у нее остались многочисленные ожоги третьей степени. Одному из юношей проломили череп и перерезали горло, другой скончался от сильного удара тупым предметом по голове. Согласно коронеру раны соответствовали толстой деревянной или алюминиевой бейсбольной бите.

Все три трупа после смерти подверглись издевательствам; тела, точнее, части тел, были разложены в непристойных позах, так, будто все трое занимались друг с другом сексом. Тот,

кто их убил, получил от этого наслаждение, и еще большее наслаждение он получил от того, что сделал со своими жертвами уже после их смерти.

Холли Фоллоуз осталась жива, хотя и получила множественные травмы. По-видимому, она убежала от нападавшего и оказалась на скале в каньоне, откуда спрыгнула вниз и, пролетев около сорока футов, упала на каменистый склон и скатилась вниз. Дилан представил себе, как девушке пришлось выбирать между маньяком и прыжком с обрыва, и ему стало жутко.

Холли не смогла опознать нападавшего и не выбрала Арло из предъявленных ей фото, заявив, что было темно и она ничего не видела. Она утверждала, что у нападавшего на голове что-то было. Возможно, он закрыл свое лицо черным платком.

Единственной физической уликой, оставленной преступником, были два окурка. Предположительно они принадлежали ему, поскольку никто из жертв не курил. Слюны на окурках оказалось слишком мало, что не позволило провести анализ ДНК.

Самым странным во всей этой истории было то, как Арло задержали. Его машину остановили за превышение скорости в трех милях от Каньона Койота, и он практически сразу же во всем сознался. Арло был весь в крови, и когда полицейские спросили его об этом, он ответил: «О, я только что убил четырех человек».

Бита так и не была обнаружена. Как и охотничий нож, которым предположительно были изуродованы трупы. Арло заявил, что не помнит, где они, но подробно сознался во всем остальном.

В признании, написанном им лично и заверенном его подписью, содержались жуткие подробности об убийствах. Арло заявил, что случайно встретился с четырьмя молодыми ребятами на заправке, где те сказали сотруднику, что собираются отдохнуть на природе. Место для этого они выбрали там, куда частенько навещал сам Арло, когда хотел побыть один, поэтому оно было ему хорошо знакомо. Также Арло сказал, что с подросткового возраста мечтал о том, чтобы кого-нибудь убить, но до сих пор у него не было подходящего случая. Там же место оказалось пустынным, ребята были без оружия, а луна, казалось, истекала кровью. И вот тогда Арло явился демон, сказавший, что если он не сделает это прямо сейчас, то будет уничтожен.

Спрятавшись, Арло стал ждать. Когда Холли Фоллоуз и ее приятель Майкл Тернер покинули лагерь и отправились прогуляться, Арло перешел в нападение.

Уильям Пейдж отошел в заросли, чтобы справить нужду. Арло тотчас же набросился на Эйприл Фоллоуз, связал ее и бросил в костер. Услышав крики Эйприл, Уильям прибежал назад, но, пока пытался вытащить ее из огня, получил первый удар по затылку. От удара он упал и начал корчиться, по словам Арло, «как раздавленное насекомое».

Примерно через полчаса Холли и Майкл возвращались в лагерь, и тут Майкл угодил ногой в медвежий капкан, который Арло укрыл листьями и ветками. Арло описал, как он хохотал, увидев, что Майклу буквально перерубило пополам голень. Он выскочил из темноты и набросился на ребят, но Майкл оттолкнул от себя Холли и крикнул, чтобы она бежала. Девушка повиновалась, а Арло проломил Майклу череп. По прикидкам Арло, он гнался за Холли добрых десять минут и загнал на скалу, но девушка предпочла прыгнуть в пропасть, только чтобы он не добрался до нее.

«Я решил, что она разбилась насмерть, – написал Арло. – Не могу поверить в то, что она осталась в живых после такого. Впрочем, она ведь стала уродиной, правда?»

Дилан перешел к заключениям о вскрытии и результатам токсикологических экспертиз. Они были только предварительными, поскольку на составление полных заключений о вскрытии потребуется несколько недель. Быстро пролистав разделы, посвященные исследованиям наружных тканей и внутренних органов и лабораторных анализов, Дилан перешел к выводам. Вскрытие проводил коронер округа Джексон.

К заключениям были приложены медицинские свидетельства о смерти, и Дилан, мельком взглянув на них, вернулся к отчету следователя Филиппа и еще раз его перечитал. Принесли заказ, однако желание есть уже пропало.

Глава 7

Дилан заглянул в маленький кабинет, расположенный в глубине здания суда. Лили приходила сюда два раза в месяц, чтобы оказывать бесплатные консультации жертвам домашнего насилия, нуждающимся в юридической помощи. Она и еще два адвоката брали на себя все подобные дела округа. Иногда перед кабинетом, который суд выделял им всего на два часа, выстраивалась такая длинная очередь, что кому-то приходилось отказывать. Хотя Лили поступала так крайне редко: обычно она предлагала поговорить на улице, у нее в машине, и иногда такие встречи затягивались до позднего вечера. Лили никогда не говорила об этом, однако к своей работе она подходила с таким рвением, что у Дилана не было никаких сомнений: в прошлом кто-то причинил ей большую боль.

Дилан застал свою партнершу за столом, разговаривающую с молодой женщиной, которая держала на руках ребенка.

Внешность у Лили была обманчивой: милая, невинная девушка, такие сплошь и рядом. Никак нельзя было предположить, какой абсолютно беспощадной она может быть в зале суда. Однажды Лили начала заигрывать с женатым прокурором, проявившим к ней интерес, вплоть до продолжительных телефонных разговоров по ночам и совместных ужинов. При этом она потихоньку собирала о нем как можно больше информации. Когда дело дошло до суда, Лили использовала все слабые места прокурора, которые ей удалось выявить, чтобы добиться вынесения оправдательного приговора. Дилан присутствовал на заседаниях; ему показалось, что бедняга не может оторвать нижнюю челюсть от пола.

Дилан помнил, как познакомился с Лили на юридическом факультете. Она сидела за столом в столовой одна, одиозные ее избегали. Дилан подсел к ней, и Лили первым делом спросила у него:

– Откуда у тебя этот шрам?

Большинство людей старались изо всех сил ни словом не упомянуть про шрам у него на шее, однако Лили просто высказала вслух то, что подумала, без притворства. Дилан подумал тогда, что это, пожалуй, одно из редчайших человеческих качеств.

– Долгая история.

– Время у нас есть, – сказала Лили.

С тех самых пор они были неразлучны.

Женщина с младенцем поблагодарила Лили и ушла. Засунув руки в карманы, Дилан неспешно приблизился к столу. Потянувшись, Лили зевнула.

– Не выспалась?

– Ну так бессонница... Как прошло заседание?

– Замечательно. – Дилан пожал плечами. Опустив взгляд на свои ботинки, дешевые, поношенные, он подумал, что пора уже купить новые. – В общем, я просмотрел то дело из Джексона.

– Вот как? И?..

– Это худшее из всего, Лил, что я видел. – Он покачал головой.

– Все настолько плохо?

– Он не просто их убил: он заставил их страдать. У них отсутствуют внутренние органы, у одной жертвы отрезаны кисти рук... и уже мертвых он разложил их в позы.

– В позы?

– Как будто они занимаются сексом. Жуткое зрелище. Присяжным достаточно будет один раз взглянуть на фотографии с места преступления, и они объявят его виновным.

– Ого! Но насколько прочная позиция?

– У обвинения? Железобетонная. Арло Уорда задержали в трех милях от места преступления, с ног до головы в крови, и он полностью во всем сознался. Он сказал, что «кровавая луна» воззвала к нему, прислав демона, который приказал совершить убийства. Видео и аудио у меня нет, но признание написано им лично, он описал убийства во всех подробностях и раз двадцать заявил, что это совершил он и получил огромное наслаждение. Я уже видел заметку об этом деле, в котором Арло называют «Оборотнем из каньона».

Лили откинулась на спинку кресла.

– Так что ты собираешься сказать Мэдлин?

– Не знаю. Наверное, что-нибудь вроде «Молитесь и принимайте витамины, потому что этот тип отправится в камеру смертников».

– Уверена, она будет очень рада, – криво усмехнулась Лили.

– Да, конечно, я постараюсь выразить это как-нибудь помягче. – Дилан вздохнул. – Ты собираешься возвращаться в контору?

Лили взглянула на часы.

– Да, мне нужно составить ходатайство. Ты ей позвонишь?

– Мэдлин?

– Да.

Дилан смерил ее взглядом.

– Похоже, ты не очень-то потрясена всем этим.

Лили пожала плечами.

– Предположим, прежде чем позвонить тебе, Джессика позвонила мне и спросила, согласишься ли ты поговорить с Мэдлин.

– Что?

– На самом деле Джесс очень хотела, чтобы ты взглянул на это дело, и интересовалась у меня, согласишься ли ты.

– Неслыханно! – Дилан покачал головой.

– Да, прямо-таки девичий заговор... – Лили помолчала. – В действительности главное тут даже не в том, что дело сложное. Главная проблема в том, что Мэдлин считает, что Арло тут ни при чем.

– Она считает его невиновным?

– Так она сказала Джессике.

– Как она может так думать?

– Не знаю, но она так сказала. – Лили пожала плечами. – Мэдлин считает, что Арло берет на себя чужую вину, и ей страшно думать, что из-за нее казнят невиновного человека. Девочка в полной растерянности, Дилан, и ее клиента разорвут в клочья.

– А может быть, он заслуживает того, чтобы его разорвали в клочья?

– Ты помнишь первое дело об изнасиловании, которое я вела? – Лили подалась вперед. – После предварительного слушания я вернулась в контору вся в слезах, так как была уверена, что проиграю. Ты помнишь, что тогда сказал мне?

Дилан шумно выдохнул.

– Я сказал, что мы не защищаем людей, мы защищаем конституцию, а без нее мы превратимся просто в диктатуру.

– И я это запомнила, – кивнула Лили. – На всю жизнь. Я не предлагаю тебе самому взяться за это дело; но, может быть, ты направишь Мэдлин в нужную сторону... Она молода и перепугана. К тому же огласка будет очень широкая. Наши фамилии будут в новостях ежедневно на протяжении нескольких месяцев. Купить такую рекламу мы себе позволить не можем.

Дилан взглянул на женщину с младенцем в коридоре. Та перешептывалась с кем-то, вытирая слезы.

– Я подумаю.

Глава 8

Угловой кабинет в здании прокуратуры округа Джексон был просторный, со многими окнами. Мягкая мебель была обита велюром: об этом позаботилась Келли, поскольку двое ее предшественников появлялись в кабинете редко, и им было все равно, как он выглядит.

В окружной прокуратуре работали двенадцать прокуроров и почти вдвое больше помощников. Если б Келли захотела, все дела вели бы ее подчиненные, а она сама могла бы отдыхать и заводить нужные связи. При условии, если бы ее переизбрали. Однако такой подход несколько ее не устраивал. Не ради этого она работала здесь.

Келли начала работу прокурором по уголовным делам после того, как ушла из управления шерифа, и, в отличие от многих своих коллег, начинавших с дел о хулиганстве и нарушении общественного порядка, она с ходу взялась за тяжкие преступления. Во время собеседования Келли сказала тогдашнему окружному прокурору, что хочет заниматься именно обвинением. Защита ее не интересовала, о денежных спорах и прочих гражданских делах речь и не шла, поэтому для нее вопрос стоял так: или работа прокурором, или уход из юриспруденции. Ее тотчас же взяли на работу.

На столе перед Келли лежала утренняя газета. На первой странице были две большие фотографии. На одной она поднималась по лестнице в здание суда, рядом с ней было фото Арло Уорда. Заголовок гласил: «Дело Оборотня из округа Джексон раскручивается».

Келли страшно не нравилось прозвище, которое дали Арло Уорду криминальные журналисты. Оно придавало ему мистическую таинственность, приправленную чарами зла. Однако в действительности в Уорде не было ничего таинственного: просто человеческое отребье. Такое существо не должно было появляться на свет. Этот человек ничем не собирался улучшить мир, но отнял жизнь у тех, кто мог бы сделать это.

Сложив газету пополам, Келли посмотрела на мужчину, сидящего напротив. Джеймс Холден был ее первым заместителем. Блондин, с солидным брюшком и веснушками, придающими ему комический вид. К нему Келли обратилась за советом. Джеймс был прирожденным администратором, сама же она была лишена этого таланта; он брал на себя все вопросы управления и связей с общественностью, чтобы Келли могла полностью сосредоточиться на работе в суде.

– Ты правда собираешься добиваться высшей меры? – спросил Джеймс, указывая на папки с делом Арло Уорда, разложенные на столе. – Я хочу сказать, учитывая его шизофрению, присяжные виновным его признают, но с большой вероятностью не согласятся на смертный приговор.

– Мне все равно. Я не хочу его смерти; мне нужно лишь, чтобы он оставался за решеткой до конца своих дней. А присяжные, отбираемые в такие дела, если не приговаривают к смерти, то точно выносят пожизненный приговор.

– Это дело станет еще более громким, Келли, когда будут обнародованы все детали, – засунув в рот пластинку жевательной резинки, сказал Джеймс. – Пресса обожает жестокости и страдания, а ничего подобного уже давно не было. Не только здесь у нас, но вообще нигде. Ты точно готова к тому, что каждый твой шаг будут придирчиво рассматривать в увеличительное стекло?

– А почему бы и нет?

Подумав немного, Джеймс сказал:

– Когда я работал в округе Кларк, у нас было несколько громких дел со знаменитостями, которые привлекли внимание общенациональных средств массовой информации. Спортсмены и все такое. Такие дела совсем не похожи на обычные. Каждый твой шаг тщательно разбирается, вся твоя жизнь выкладывается на всеобщее обозрение. И главную роль приобретают уже

не обстоятельства дела, а действующие лица. Быть может, лучше отказаться от высшей меры, предложить сделку со следствием, признав обвиняемого невменяемым, и упрятать Арло в психиатрическую лечебницу штата, до того как журналисты вонзят в него свои когти...

Открыв одну папку, Келли достала из нее большую цветную фотографию Эйприл Фоллоуз: лицо девушки обгорело в пламени костра, волосы по большей части сожжены, глаза – то, что от них осталось, – оплавившиеся и красные.

– Арло держал ее голову в костре до тех пор, пока она не задохнулась. Коронер считает, что она оставалась в сознании около трех минут. Представь себе три последние минуты ее жизни, Джеймс... а потом скажи мне, как я смогу упечь Арло Уорда в какую-нибудь лечебницу до тех пор, пока он снова не станет хорошим мальчиком и не выйдет на свободу.

На самом деле это было еще не все, однако пока Келли не была готова обсуждать такое с Джеймсом. Только ей и Хэнку Филипсу было известно об убийстве на Ангельском озере, и Келли хотела, чтобы еще какое-то время так оставалось и дальше.

Она встала.

– Я должна идти – пока никаких комментариев для прессы. Позвони общественному защитнику и скажи, чтобы она готовилась к предварительному слушанию, если только ее клиент не собирается признать вину и просить пожизненное без права условно-досрочного освобождения. Если она пойдет на такое, мы снимем вопрос о смертной казни.

– Будет сделано, – кивнул Джеймс, не отрывая взгляда от фото.

Взяв сумочку, Келли вышла из кабинета. Окружная прокуратура бурлила, и Келли, увидев сотрудников, которые стояли маленькими кучками и о чем-то перешептывались, догадалась, что они обсуждают это дело. В Сипио, административном центре округа Джексон, проживали шестьдесят тысяч жителей. Достаточно большой город, чтобы в нем изредка совершались особо жестокие преступления, и в то же время достаточно маленький, чтобы всем были известны все подробности.

Зайдя сегодня утром в кафе за булочкой, Келли услышала, как за соседним столом полицейские обсуждали, чуть ли не смакуя, жуткие детали убийств. Один из них сострил, что Эйприл Фоллоуз поджарили, словно маршмеллоу на палочке. Обернувшись к нему, Келли сказала:

– Отцу этой девушки пришлось зайти в морг и взглянуть на свою дочь, которую сложил из отдельных кусков коронер. Надеюсь, тебе никогда не доведется увидеть близкого человека в таком виде, после чего выслушивать дурацкие шутки за омлетом.

Сев в машину, Келли не стала включать навигатор – в этом не было надобности. За время ночных дежурств в управлении шерифа она выучила город вдоль и поперек. Знала, где кучкуются проститутки, знала основных торговцев наркотиками, знала дома, откуда за год поступало пять-шесть звонков о домашнем насилии. Иногда ей приходила мысль куда-нибудь переехать. В городе было слишком много мрачных мест, и порой это давило слишком сильно. Останавливал ее только страх потерять горящий в душе огонь. Подобно тому, как некоторые боксеры накануне важного боя перебираются в пустую заброшенную квартиру, чтобы ни на что не отвлекаться, поддерживая себя в возбужденном состоянии, Келли считала, что должна находиться в городе, который защищает.

В дороге ей позвонил ее бывший муж Трэвис, и она включила громкую связь.

– Привет, – сказала Келли.

– Привет. Извини, что донимаю в рабочее время...

– Все в порядке. Что тебе нужно?

– Я просто хотел в выходные увидеться с девочками, – сказал Трэвис.

– Предстоящие выходные не твои.

– Знаю, но я по ним соскучился – и хочу свозить их на одно представление в Лас-Вегас.

Представление иллюзиониста с животными. Думаю, им очень понравится.

– Я подумаю.

– Ладно, – мягко произнес Трэвис. – Хорошо. – Помолчав немного, он спросил: – Ну а ты как?

– До свидания, Трэвис.

Дом, куда направлялась Келли, находился в безликом районе на восточной окраине Сипио. Всем было известно, что город делился на две части – западную и восточную. Восточная часть была застроена большими домами, в которых жили работяги, на западе селился средний класс. Город был разделен во всем, даже средних школ в нем было две – одна в западной части, другая в восточной, – и их соперничество в спорте было непримиримым.

Поставив машину, Келли поднялась на крыльцо и постучала в дверь. Ей пришлось подождать несколько минут, прежде чем дверь чуточку приоткрылась. За ней стояла молодая девушка. Даже по прошествии нескольких недель ее лицо оставалось распухшим от синяков, одной рукой она опиралась на костыль, руки были покрыты заживающими ранами.

– Вы Холли Фоллоуз?

– Да, – едва слышно произнесла девушка.

– Можно войти? Я прокурор, ведущий ваше дело, и нам нужно поговорить о том человеке, который сделал с вами все это.

Глава 9

Дом Холли Фоллоуз был оформлен в том стиле, какого Келли и ожидала от двадцатилетней девушки. Пространство было насыщено буйной, красочной энергией, и хотя в настоящее время в нем царил беспорядок, Келли почувствовала, что такое положение дел не является нормальным. Эйприл жила вместе со своей сестрой, и Келли подумала, убрала ли Холли ее вещи или же они по-прежнему оставались здесь.

У Холли на запястье оставалась шина, а нога ее была в ортопедическом сапоге, поэтому, когда она садилась на диван, ей пришлось воспользоваться костылем. Вместо того чтобы занять место в кресле напротив, Келли села рядом с ней.

– Как вы себя чувствуете?

Прислонив костыль к кофейному столику, Холли отвернулась.

– Боли постоянные. Лекарств я стараюсь принимать поменьше, но ибупрофен и парацетамол не очень-то помогают. И мне предстоит еще одна операция на ноге. У меня раздроблена голень, и туда будут вставлять спицу.

Кивнув, Келли посмотрела на ортопедический сапог, доходящий до самого колена.

– Вы сказали, что вы прокурор, – сказала Холли. – Что это означает?

– Это означает, что именно мне предстоит обвинять Арло Уорда. Я решила встретиться с вами и оставить номер своего телефона на тот случай, если вам что-либо понадобится. Я хочу, чтобы вы знали, Холли: в любой момент вы можете связаться лично со мной. Если что-то будет не так или вам покажется, что с вами обращаются несправедливо, пожалуйста, звоните мне.

Судя по всему, Холли едва сдерживалась. У нее на глазах навернулись слезы, руки дрожали.

– Я понимаю, что вам пришлось пережить, – мягко сказала Келли. – Это...

– Понимаете? – перебила ее Холли, и у нее по щекам потекли слезы. – Вы знаете, каково это, когда убивают твоего парня и твою сестру? Вы ничего не понимаете!

– Сестру – не знаю. Знаю – когда мать.

Холли посмотрела на нее и ничего не сказала.

Келли колебалась. Она сомневалась, нужно ли сделать это сейчас; но для такого откровения подходящего момента не будет никогда.

– Я... э... хотела передать вам вот это. – Взяв с пола свою сумочку, Келли достала коробочку, в которой ювелиры хранят украшения. – Это обнаружили у Майкла в кармане. Я решила, что это нужно отдать вам.

Когда Хэнк Филипс сказал про обручальное кольцо, у Келли в груди все оборвалось. Обручальное кольцо являлось символом той жизни, какая должна была бы быть у Холли. Жизни, которая растаяла как туман и больше уже никогда не могла вернуться.

Открыв коробочку, Холли увидела кольцо.

– Майки... нет... нет, любимый!.. – всхлинула она.

Келли долго сидела молча, давая ей выплакаться.

– Вы знаете, чем Майкл занимался в свободное время? – наконец успокоившись, спросила Холли. У нее на лице появилась грустная улыбка. – Он работал добровольцем в центре обучения взрослых грамоте. Майкл считал, что для человека читать – это самое важное. – Она помолчала. – Мою сестру однажды пригласили в модельное агентство. Эйприл всегда была очень красивая, даже в детстве; но она отказалась. Постоянные путешествия, хорошие деньги и все такое, но Эйприл мечтала стать учительницей, потому что очень любила детей... – Холли смахнула слезы. – Они были хорошими людьми. Они этого не заслужили.

Достав из коробочки кольцо, она надела его на палец. Келли предположила, что весь поход был затеян для того, чтобы Майкл сделал ей предложение, и у нее чуть не разорва-

лось сердце при виде того, как Холли смотрит на кольцо, пытаясь представить себе то, как это могло бы быть.

– Сестра помогала ухаживать за нашим отцом, – сказала Холли, не отрывая взгляда от кольца. – У него рассеянный склероз. Даже не знаю, как мне быть теперь... Я сама передвигаюсь с трудом. Я не смогу ухаживать за отцом, а больше у него никого нет. – Она посмотрела на Келли: – Зачем он это сделал? У нас не было денег, не было ничего. Зачем?

Келли вынуждена была прикусить губу, чтобы сдержать переполнявшую ее ярость.

– Я не знаю, Холли, почему такие люди делают то, что делают. Больше того, у меня есть основания полагать, что Арло Уорд не впервые сделал нечто подобное.

– Но он сумасшедший?

– Пока мы этого точно не знаем.

Вытерев слезы, Холли снова уставилась на кольцо.

– Мне постоянно снится кошмарный сон, будто он приходит в больницу и убивает меня. – Она подняла взгляд на Келли. По щекам у нее по-прежнему катились слезы, но она больше не всхлипывала. – Если он сумасшедший, ему это сойдет с рук и он придет за мной?

Келли ласково пожала ей руку.

– Нет, не придет.

Глаза у Холли стали красными. Келли говорили, что девушка для своего юного возраста уже видела слишком много, и это заставило ее повзрослеть раньше времени. Прокурор подумала, что если бы они встретились несколько недель назад, она увидела бы совершенно другого человека.

Холли прикоснулась к кольцу, и слезы потекли вновь. Келли взяла ее руку.

– Обещаю вам... я заставлю его заплатить за то, что он сделал.

Выйдя на улицу, Келли позвонила Джеймсу на сотовый.

– Я передумала, – сказала она. – Я буду требовать для Арло Уорда смертный приговор.

Глава 10

Дорога в Сипио была живописная, а воздух становился все прохладнее по мере того, как они удалялись от юга Невады. Машину вела Лили, а Дилан сидел рядом. Они слушали музыку кантри – любимый стиль Лили, – а Дилан перечитывал материалы дела. Самым странным ему казалось то, как мало информации собрала полиция об Арло Уорде. Предполагаемый убийца родился в Северной Дакоте, затем какое-то время кочевал по тихоокеанскому северо-западу, но в полицейских архивах на него ничего не было. Также не было у него кредитной истории, он не совершал крупных покупок и никогда не принимал участия в выборах. Ничего, чтобы попасть в систему.

Дилан еще раз перечитал жуткие подробности осмотра места преступления. Связавшись с Марлиной, он попросил ее переслать ему на почту фотографии. Изучив то, как были изуродованы, а затем разложены трупы, прикинул, сколько времени это могло занять, после чего изумился количеству крови, которой был перепачкан Арло. Криминальный эксперт округа доктор Эндрю Лэнг сделал сотни фотографий места преступления и фото самого Арло. Поскольку в последнее время стали популярны такие телесериалы, как «Место преступления: Лас-Вегас» и «Морская полиция: спецотдел», присяжные стали требовать обилия вещественных доказательств. Возникла нехорошая тенденция: дела с очевидной виновностью стали завершаться оправдательными приговорами, поскольку обвинение не предъявляло «дымящийся пистолет», и неважно, сколько в деле было свидетелей.

Теперь многие управления полиции приглашали на работу специалистов всех областей криминалистики – умеющих провести баллистическую экспертизу, анализ характера брызг крови, анализ ДНК, исследование отпечатков пальцев, анализ микрочастиц. Однако округ Джексон, подобно многим другим небольшим муниципальным образованиям, не мог позволить себе целую армию экспертов. Поэтому работающим здесь криминалистам приходилось быть мастерами на все руки.

Закрыв папку, Дилан устался вперед на дорогу. Теперь вдоль нее тянулись сплошные деревья, и в воздухе пахло соснами.

Лили набрала номер через бортовой компьютер, и Дилан, взглянув на экран, увидел, что она звонит своей сестре. Он один раз встречался с ней, когда она приезжала в Лас-Вегас к Лили в гости. Других двух так не похожих друг на друга людей трудно было представить. Лили была физически сильная и обладала солидной мускулатурой. Ее сестра была рыхлая и полная, после средней школы нигде не училась, в то время как Лили получила высшее образование по истории и экономике. Даже их манера разговаривать разительно отличалась: Лили была немногословна и сразу переходила к делу, а сестра непрерывно болтала, пускаясь в пространные рассуждения.

Лили оставила сестре сообщение на автоответчике с просьбой перезвонить, после чего сказала:

– Ну, какие у тебя мысли насчет Арло?

Дилан опустил папку себе под ноги.

– Признание подробное, – сказал он, – а кровь на его одежде принадлежит двум жертвам. Если это сделал не Арло, единственное возможное объяснение – он наткнулся на место преступления и сознательно промочил свою одежду кровью. Но если Арло хотел, чтобы его схватили, почему он сам не предупредил полицию? Почему попытался уехать домой? Если бы он правда хотел приписать себе заслугу в этих убийствах, то вызвал бы полицию и на месте дождался бы ее прибытия.

– А что, если он собирался позвонить в полицию, но ему пришлось покинуть каньон? Сотовая связь там плохая.

Дилан скосился на ржавые ворота на въезде в ранчо, мимо которых они проезжали. Мужчины в ковбойских шляпах, стоящие у ворот, проводили машину угрюмыми взглядами.

– Я так не думаю. По-моему, Арло позвонил бы, как только покинул каньон, как только появилась связь, а его задержали в трех милях оттуда. Тут какая-то неувязка... Я считаю, Арло убил этих людей, после чего убедил Мэдлин в том, будто не делал этого.

– И что ты собираешься делать?

– Просто дать ей совет и двигаться дальше.

Какое-то время они молчали.

– Ты почти ничего не сказал о том предложении из Лос-Анджелеса... – Лили бросила на него взгляд. – Ты по-прежнему о нем думаешь?

«Практически каждую минуту», – подумал Дилан.

– Триста тысяч в год, Лил. Ну как можно отказаться от такого?

– Да, триста «кусков», но в огромной фирме, где тебя заставят отчитываться за каждую минуту рабочего времени и выслушивать критику от старших партнеров, разбирающихся в деле меньше твоего. Ты люто возненавидишь свою работу. А какой смысл работать, если ты будешь ненавидеть то, чем занимаешься?

Дилан какое-то время смотрел в окно, прежде чем ответить:

– Я уже достаточно долго был бедным. Теперь мне бы хотелось побыть богатым. – Он повернулся к Лили: – Ты пытаешься уговорить меня взяться за дело Арло Уорда, чтобы оно выплеснулось во все средства массовой информации и убедило меня остаться?

Лили усмехнулась, но ничего не ответила.

Откинув голову на подголовник, Дилан усмехнулся.

Следующий съезд с шоссе вел в Сибио. Городок показался относительно большим, поскольку раскинулся в просторной долине, и все-таки в нем царил атмосфера маленького поселка. Совсем мало ресторанов и магазинов, одно административное здание на все муниципальные службы и горстка церквей. Дилану город понравился. Сам он всегда жил в небольших городах и получал наслаждение от открытых пространств.

Тюрьма округа Джексон размещалась в сером кирпичном здании, напоминающем большую коробку. Без окон. Лили поставила машину на гостевой стоянке, и они поднялись к входным дверям. Проверив удостоверения членов коллегии адвокатов штата Невада, дежурный занес их в журнал и предложил пройти через металлоискатель.

Мэдлин Исмера уже ждала их. Она оказалась стройной молодой женщиной с зелеными глазами и волосами до плеч. Широко улыбнувшись, Мэдлин пожала гостям руку. На лацкане пиджака у нее был значок с флагом какой-то страны, который Дилан не узнал.

– Гаити, – сказала Мэдлин, перехватив его взгляд. – Честное слово, даже не могу выразить словами, как я вам благодарна! Вы очень любезны, что согласились приехать сюда.

– Все в порядке, – успокоил ее Дилан.

Мэдлин провела их по коридору в комнату для свиданий. Это было помещение с голыми бетонными стенами, выкрашенными белой краской. Они сели за стальной стол.

– Что вам известно об Арло? – спросила Лили. – В материалах дела о нем почти ничего нет.

– Немного. – Мэдлин покачала головой. – У него нет задокументированного прошлого, а на все мои расспросы он отвечает туманно. На мой взгляд, это просто потому, что он не помнит, а не потому, что ведет какую-то игру. Лекарства, которые принимает Арло, влияют на память. У него есть жена и маленькая дочь, но жена отказывается с кем-либо говорить. Даже со мной.

– Вы уже провели психиатрическую экспертизу? – спросил Дилан.

– Пока нет. – Мэдлин вздохнула. – С этим проблема. Арло мне не позволяет.

– Что вы хотите сказать? – удивилась Лили.

– Он отказывается заявлять о своей невинности и не хочет, чтобы я ставила под сомнение его вменяемость. Арло настаивает на том, что это все сделал он, и готов понести наказание.

– Быть может, это потому, что он действительно виноват? – предположил Дилан.

– Я занимаюсь этим недавно, но знаю, как ведут себя люди. – Мэдлин снова покачала головой. – До того как поступить на юрфак, я работала в социальном обеспечении. Очевидно, стопроцентной уверенности у меня нет, но я не думаю, что это дело рук Арло. Мне кажется, он *хочет* верить, что сделал это. Хочет внимания. Когда я встречаюсь с ним, он первым делом интересуется, взялись ли за это дело СМИ.

– Многие люди, подверженные диссоциальному расстройству личности, страдают нарциссизмом, – заметила Лили.

– Знаю, но, по-моему, в данном случае это не так.

Как раз в этот момент открылась дверь, и в комнату вошел Арло Уорд.

Глава 11

Первым делом Дилан обратил внимание на его руки. Маленькие и бледные. Можно даже сказать, руки подростка. Особой мускулатурой Арло не обладал; он был скорее жилистый, внешне ничем не примечательный. Дилан был удивлен, даже несмотря на то, что уже давно занимался своим ремеслом и защищал многих клиентов. Он ожидал увидеть кого-то совершенно другого. Того, у кого внешность мясника, получающего наслаждение, расправляясь со своими жертвами.

Глаза у Арло были большие, карие, цвета темного шоколада; он слегка прихрамывал.

Дилан знал, что под шизофренией понимается целый спектр психических заболеваний различной степени тяжести. Многих шизофреников можно считать практически совершенно здоровыми людьми, способными вести плодотворную жизнь, в то время как есть и такие, кто не может выполнить даже самую простую работу. Дилан не смог определить с первого взгляда, к какой категории относился Арло.

– Привет, Мэдлин, – сказал Арло, садясь на стол. Обернувшись к охраннику, он добавил: – Спасибо, Эдди.

– Всегда пожалуйста. Ребята, я оставляю вас одних, но если что, миз⁷ Исмера, я буду за дверью.

– Благодарю вас.

Положив руки на стол, Арло улыбнулся Дилану и Лили.

– Это те адвокаты, Арло, о которых я вам говорила. Дилан Астер и Лили Риччи.

– Привет, – сказал Арло.

Его улыбка стала еще шире. Зубы у него были белые и ухоженные. На ладонях под каждым пальцем имелись толстые мозоли, но в остальном руки были гладкие, без ссадин. Ни трещин на коже, ни грязи под отросшими ногтями, ни волос, выпадающих от недостаточного питания. На вид самый обыкновенный человек, которого можно встретить в гостинице или в торговом центре.

– Ну а теперь, когда здесь сразу три адвоката, – сказал Арло, – можно задать один вопрос? Дилан бросил взгляд на Лили.

– Конечно.

– Я пишу книгу про совершенные мною убийства, но один заключенный сказал, что у меня ничего не получится, потому что есть закон, запрещающий нам зарабатывать деньги на повествовании о себе. Это правда?

В девяти случаях из десяти помещенный под стражу человек первым делом спрашивает у своего адвоката: «Долго ли я еще здесь пробуду?» На памяти Дилана еще никто не спрашивал у него то, что спросил Арло.

– Был один закон, – сказал Дилан, – так называемый закон Сына Сэма⁸, который не позволял преступникам зарабатывать на своих преступлениях. Однако в конце концов Верховный суд его отменил, так что да, вы можете написать книгу, если хотите. Но я бы вам этого не советовал.

– Почему?

– Потому что, написав ее, вы признаетесь в совершенных преступлениях.

– Но я правда их совершил.

Наступившее молчание первой нарушила Лили:

– Вы убили этих трех молодых людей?

⁷ Миз – нейтральное уважительное обращение к женщине, не подчеркивающее возраст и семейное положение.

⁸ Под прозвищем «Сын Сэма» известен серийный убийца Дэвид Берковиц (наст. Ричард Дэвид Фолко; р. 1953).

Кивнув, Арло улыбнулся:

– Ага. Двоих бейсбольной битой, а третью сжег в костре. Я хорошенько ее связал, чтобы она не дергалась, и поджарил на огне.

Почувствовав неловкое напряжение, Мэдлин поспешно сказала:

– Арло, может быть, вы лучше расскажете моим коллегам о своей болезни?

– А что тут говорить? – Арло пожал плечами. – У меня шизофрения. Иногда у меня бывают видения, бывают слуховые галлюцинации, но у многих л-л-людей все гораздо хуже. – Закрыв глаза, он выпустил долгий выдох. – Простите. Иногда, когда я н-нервничаю, начинаю заикаться.

– Все в порядке, – успокоил его Дилан. – Не торопитесь.

Набрав полную грудь воздуха, Арло сделал еще один долгий выдох.

– Я окончил школу, сменил много работ, а мои любимые игры – это го⁹ и «Зов долга»¹⁰, и та и другая очень сложные игры. Особо умным меня назвать нельзя, я это знаю, но я и не из тех, кто разговаривает сам с собой.

Бросив взгляд на Мэдлин, Дилан спросил:

– Арло, почему вы убили этих людей?

– Мне сказал так сделать демон. – Тот снова пожал плечами.

– Вот как?

– Ну, то есть нет. Я с детства мечтал об этом. Когда я увидел этих ребят на заправке, они были одни, с кучей спиртного... И я понял, что без труда смогу проследить за ними и прикончить их.

Арло чихнул и извинился. Дилан барабанил пальцами по столу, наблюдая за ним.

– Как вы вообще оказались там? Место это глухое.

– Я и-иногда езжу туда. Там тихо, никто меня не беспокоит.

– И вы поехали туда следом за этими ребятами? – спросила Лили.

Арло кивнул.

– Они разбили лагерь неподалеку от заброшенных охотничьих домиков, в которых я иногда ночую. И быстро напились. Расправиться с ними не составило никакого труда.

Откинувшись на спинку стула, Дилан внимательно посмотрел на него. Мягкий голос Арло и грусть у него в глазах вызвали сочувствие. Многие убийцы играли на присущем любому человеку стремлении помочь ближнему и притворялись добрыми и мягкосердечными.

– Вы вступали в разговор с ребятами?

– Нет.

– Вы просто убивали их поодиночке?

– Точно.

– Я видела фотографии жертв, – сказала Лили. – Ребята были физически крепкими. Оба играли в американский футбол, а один вообще занимался борьбой, однако у вас нет ни ссадин, ни синяков. Они не оказали сопротивления?

– Просто не успели. Я застиг их врасплох. Сейчас люди н-н-начисто забыли про осторожность. Они считают мир безопасным местом, до тех пор пока тот не решают показать им свои зубы.

От этих слов Арло у Дилана по спине пробежала холодная дрожь. Он бросил взгляд на Лили, и та, откашлявшись, задала несколько вопросов о психическом самочувствии Арло. Тот отвечал безучастным тоном, однако его голос наполнялся восторженным возбуждением,

⁹ Го – настольная логико-стратегическая игра с минималистичным инструментарием, где главные цели – окружение противника и захват территории; имеет древнекитайское происхождение.

¹⁰ «Call of Duty»(англ.) – серия компьютерных игр-шутеров от первого лица.

как только он начинал рассказывать про свои преступления. Восторга было слишком много, словно Арло описывал поход в парк развлечений.

– Какая у вас была бита? – перебил его Дилан.

– Что? – опешил от неожиданности Арло.

– Я говорю про биты. Ее так и не нашли. Деревянная или алюминиевая?

– Деревянная, – не сразу ответил Арло.

– Какой марки?

– Понятия не имею, – он пожал плечами. – Просто бейсбольная бита.

– Какой длины?

– Длины?

– Да. Какой длины была бита? Они бывают разными.

– Не знаю. Я в таких вещах не разбираюсь.

– Каким ножом вы пользовались? – спросила Лили.

– Охотничьим ножом. Тесаком.

– Какого размера?

– Не знаю, – оглянувшись на Мэдлин, сказал Арло. – Я купил его в магазине, потому что он был большой.

– Как долго умирала Эйприл Фоллоуз?

– Не знаю. Недолго.

– Где вы достали капкан на медведя? – спросила Лили.

– Нашел его в одном из пустующих домиков и возил в багажнике.

Дилан подался вперед.

– Арло, вы отдадите себе отчет, что обвинение, вероятно, будет требовать смертного приговора, так? Если вас признают виновным, вы умрете.

– Если Всевышний захочет меня прибрать, он приберет, – глубоко вздохнув, сказал Арло. – Но книга, возможно, принесет немного денег, и Лине с Эми хватит на жизнь, когда меня не станет.

– Я так понимаю, вы говорите про своих жену и дочь?

– Так точно, – кивнул Арло.

– Ну а если бы закон Сына Сэма по-прежнему действовал и вы не смогли бы заработать на своей книге? – сказала Лили. – Все равно взяли бы на себя ответственность за эти преступления?

Арло ответил не сразу:

– Наверное.

– Наверное? – изумился Дилан. – *Наверное*, когда речь идет о преступлении, за которое вас, возможно, казнят?

– Я хочу сказать, взял бы. Вы умышленно стараетесь сбить меня с толку, мистер Астер, и мне это не нравится.

Схватив со стола свой сотовый, Дилан сунул его в карман и встал.

– Было приятно с вами познакомиться, Арло. Не будем больше вас задерживать.

– У вас точно нет больше вопросов?

– Пока нет.

– Ну хорошо. – Арло протянул руку, и Дилан ее пожал. Затем он пожал руку Лили и Мэдлин и сказал: – Мне неудобно, что вы приезжали сюда только ради этого.

Адвокаты промолчали, и он крикнул, вызывая охранника. Вошедший в комнату Эдди спросил:

– Готов?

– Да. Еще раз спасибо, Эдди.

Тот даже не взял Арло за руку. Глядя на его небрежное поведение, Дилан подумал, что Арло Уорд симпатичен охраннику, хотя тот, вероятно, никогда в этом не признается. Сам же Дилан был вынужден признать, что в нем действительно есть что-то, вызывающее симпатию.

– Ну? – спросила Мэдлин после того, как Арло увели.

– Когда я ехал сюда, я был уверен, но теперь не знаю. – Дилан покачал головой. – Есть что-то странное в том, как Арло цепляется за это дело.

– Такое ощущение, будто он врет, правда?

– Возможно... Далеко отсюда до места преступления?

Глава 12

К тому времени как Дилан, Лили и Мэдлин добрались до того места, где были убиты ребята, начинало уже вечереть. Каньон находился в полутора часах езды на машине от Сибио, после чего еще несколько миль пришлось пройти пешком. Воздух здесь был горячий и влажный, и воротник рубашки Дилана стал мокрым от пота. Лили переделалась в шорты и кроссовки, припасенные в багажнике. Похоже, ей было вполне удобно, в то время как Дилан чувствовал себя так, будто сидел полностью одетым в парилке. Папку с материалами дела Арло он держал под мышкой.

Вдоль тропы с обеих сторон тянулись густые заросли, сквозь которые ничего не было видно. Поднявшись достаточно высоко, путники нашли площадку для отдыха с деревянной скамейкой. Отсюда открывался панорамный вид на долину – зеленое море леса, окруженное невысокими горами.

Передохнув немного, они двинулись дальше, и еще через полчаса Мэдлин сказала:
– Это здесь.

Заросшая травой поляна с трех сторон была окружена деревьями. Тропа пересекала ее и уходила дальше в гору. Совсем узенькая тропинка вела в сосновую рощу. Подбоченившись, Дилан огляделся по сторонам. Высокие деревья давали густую тень. Даже в полнолуние после захода солнца здесь должно было быть темно – и уж тем более в лунное затмение, при тусклом кроваво-красном свете.

На поляне не осталось ничего, что указывало бы на произошедшую здесь жуткую драму. Казалось, сама земля смыла с себя все следы.

– Где охотничий домик? – спросила Лили.

– Вон там, дальше по той тропинке, – указала Мэдлин.

Двинувшись по этой тропинке, отходившей от основной тропы, они поднялись на пригорок. На противоположном склоне стоял старый деревянный домик с двумя выбитыми окнами. Казалось, он мог рухнуть в любой момент.

Они подошли к двери, и Мэдлин сказала:

– По словам Арло, он приходил сюда на протяжении двух лет. Полагаю, в те моменты, когда галлюцинации становились особенно сильными. Полиция обнаружила много старых упаковок от продуктов, так что здесь определенно кто-то бывал.

Ярдах в двадцати от дома несколько деревьев росли совсем близко друг от друга. Раскрыв папку с материалами дела, Дилан нашел признание Арло. Тот написал, что прятался в темноте в густых зарослях сосен к северу от домика, наблюдая за тем, как Майкл попался в медвежий капкан, после чего бросился к ним с Холли.

Дилан перешел к показаниям Холли. Девушка рассказала следователю, что они с Майклом осматривали домик, как вдруг хлопнула дверь. Это так их напугало, что они решили немедленно вернуться к костру. Примерно через сто шагов по тропинке раздался металлический лязг, и шедший рядом с Холли Майкл Тернер с криком упал на землю.

– Я обратил внимание на то, что Арло прихрамывает, однако никаких травм у него не обнаружили, – продолжая изучать показания Холли, обратился к Мэдлин Дилан.

– Я спрашивала у него. Травму он получил много лет назад. Его сбила машина. Но он утверждает, что по-прежнему бегает неплохо.

Дилан бросил взгляд на густые заросли.

– Итак, это те сосны, в которых – и в этом Арло и Холли сходятся – он прятался, правильно? Он выбегает оттуда, убивает Майкла, после чего успеваешь догнать Холли, хотя у той была солидная фора. – Он протянул папку Лили: – Засекай время.

Достав телефон, та открыла приложение секундомера.

Дилан отошел к группе деревьев. Лили подняла руку и резко ее опустила. Дилан рванул вперед.

Подошвы его костюмных ботинок едва сцеплялись с землей, и он пару раз поскользнулся. Добежав до женщин, согнулся пополам, жадно глотая воздух.

– Да, я не в форме... Полагаю, виноват в этом «Макдоналдс». Надо подать иск.

– Ты бежал как шестилетний ребенок, – сказала Лили. – Десять секунд.

– Хорошо. Итак, Арло слышит щелчок капкана и, убедившись в том, что Майкл никуда не денется, бежит к нему. Десять секунд. Затем ему нужно убить Майкла. Учитывая то, сколько ударов битой для этого требуется, это заняло у него не меньше двадцати-тридцати секунд. Значит, через тридцать секунд Арло поднимает взгляд и видит, что Холли скрылась. Теперь ему нужно ее догнать.

Убрав телефон в карман, Лили кивнула:

– Даже если Холли плутала, она намного его опередила. Арло должен был бежать гораздо быстрее тебя, чтобы догнать ее в темноте.

– Насчет хромоты, – обратился к Мэдлин Дилан. – У нас есть подтверждение того, что это не симуляция?

– Не знаю, – пожала та плечами. – Пока у меня нет медицинских данных на Арло. Но он утверждает, что его сбила машина, сломав ему бедренную кость, которая срослась неправильно. Так что как знать...

Дилан оглянулся на деревья, затем скользнул взглядом по тропинке, ведущей к охотничьему домику.

– Арло не смог бы пробежать так быстро, чтобы успеть догнать Холли.

– Что ж, Мэдлин, примите наши поздравления, – сказала Лили. – Очень может статься, вам предстоит защищать клиента, который невиновен.

Выпустив долгий выдох сквозь сжатые губы, Дилан пробормотал:

– Черт возьми!..

Глава 13

Лили Риччи сидела в гриль-баре «Харрис», нянча уже второй коктейль за вечер. Она подолгу смотрела в стакан, погруженная в раздумья, пока ее не возвращали к действительности музыка из автомата или взрыв смеха за соседним столиком.

Сегодня вечером Дилан снова предложил ей выпить с ним вместе. Посещение места преступления произвело тягостное впечатление на них обоих, Лили это почувствовала. Однако отказалась она не поэтому. На протяжении последних двух недель Лили старалась вести себя с Диланом нейтрально. Меньше всего на свете ей хотелось, чтобы из-за нее он отказался от предложения работать в Лос-Анджелесе, однако именно этого она хотела. Она ему завидовала? Лили задавалась этим вопросом. Ей было страшно? Они с Диланом работали вместе с тех самых пор, как познакомились на юридическом факультете; у них не возникло никаких вопросов насчет того, чтобы проходить практику вдвоем. Однако и это объяснение также ее не устраивало. Так в чем же было дело?

Лили подумала про уединенный домик в лесу, в котором они сегодня побывали, и про Холли Фоллоуз. Что это такое – потерять разом любимого человека и родную сестру, причем в результате такого страшного, жуткого преступления?

Лили ушла из дома, когда ей исполнилось восемнадцать лет, и с тех пор почти не общалась со своими родными. Вряд ли смерть кого-либо из близких потрясла бы ее так глубоко, как Холли.

– Мне бутылку «Хейнекена», – сказал какой-то мужчина, подсаживаясь к стойке рядом с Лили. – А юной леди повторить то, что она пьет.

– Давненько меня уже так никто не называл, – допив коктейль, усмехнулась Лили.

– Неужели? А я думал, мужчины расталкивают друг друга, сражаясь за право назвать вас юной леди и снискать ваше расположение...

Лили смерила взглядом незнакомца. Водолазка и джинсы на нем были стильные, однако резинка, которой была перетянута его солидная борода, придавала ей вид свисающего с подбородка хвоста.

– «Снискать ваше расположение»; вы что, прямоком из машины времени?

Мужчина улыбнулся. Ему принесли пиво, и он отпил глоток.

– Преподаватель английского языка и литературы. – Протянул руку: – Николас.

– Лилит. – Лили пожала ему руку.

– О, первая женщина! Та, которая восстала против бога и не пожелала повиноваться мужчине¹¹. Ваши родители знали об этом, когда выбирали вам имя, или это просто совпадение?

– На самом деле меня назвали в честь любимой лошади моего отца.

– Еще лучше. – Повернувшись к ней, Николас прищурился. – У меня неплохо получается строить догадки о прошлом человека. Так что позвольте попробовать: бунтарка-дочь проповедника сбегает в Лас-Вегас, чтобы отомстить мамочке и папочке. Ей требуется суровая внешность, чтобы отваживать стервятников. Ну как, близко?

– Внешность у меня ничем не примечательная. А прошлое у нас у всех более или менее одинаковое, разве не так?

Николас приветственно поднял бутылку, однако прежде чем с его уст успело сорваться хоть слово, Лили залпом отправила в глотку виски и поставила стакан вверх дном на стойку. Затем забрала у Николаса бутылку и полностью выпила ее содержимое.

– Ого, мне еще не приходилось видеть женщину, которая так может! Я поражен!

¹¹ Лилит – в каббалистической мифологии первая жена Адама, которая сбежала от него тотчас же после своего сотворения, став впоследствии демоницей и спутницей могущественнейшего злого духа Самаэля.

Встав, Лили взяла свою сумочку.

– Вы поражены, поскольку все мужчины, когда речь идет о женщине, убеждены в двух вещах: во-первых, женщина слаба, во-вторых, она находит его привлекательным. В отношении меня ни первое, ни второе не верно. – Она потрепала Николаса по руке, прежде чем уйти. – Спасибо за угощение, и удачи с английским языком и литературой!

В голове у Лили шумело, и она подумала, что ей лучше не садиться за руль и вызвать такси. Впрочем, пока у нее еще не было желания возвращаться домой. Лили попросила отвезти ее к популярному бару на Стрип. Она взглянула на часы. Джейк пригласил ее к себе. Он терпеть не мог, когда она опаздывает, если они условились о времени встречи. В таком случае, почему она всегда сознательно опаздывает?

– Вы здесь живете или приехали в гости? – спросил водитель.

– Я здесь живу, – уставившись в окно, сказала Лили.

– Где именно?

Она проверила время на телефоне, убеждаясь в том, что часы идут точно. В Канзасе, где жила ее сестра, сейчас было уже почти десять вечера.

– Извините, – спохватилась Лили. – Что вы спросили?

– Где именно вы живете?

– На Санкрест.

– Вот как! У меня там живут знакомые. Хороший район.

Лили прикусила губу, не отрывая взгляда от экрана телефона, и наконец сделала вызов. После трех гудков послышался заспанный голос сестры:

– Лил?

– Слушай, извини, я не хотела тебя разбудить. Ты уже спала?

– Ты же знаешь, что спала. Мне рано утром на работу.

– Извини, Люси. Просто я...

– Ответ – нет, и больше не звони так поздно. Спокойной ночи, Лили.

– Я все понимаю, но в ближайшие пару дней у меня больше не будет возможности, поскольку вы уезжаете к родителям...

– Нет, Лили. Ложись спать.

Сестра оборвала связь. Какое-то мгновение Лили смотрела на погасший экран, затем убрала телефон в сумочку.

Поставив локоть на ручку двери, она смотрела на мелькающие мимо казино и гостиницы. Мигающие неоновые вывески разрывали темноту пламенем пожаров. Иногда Стрип вечером казался плавающими созвездиями в галактическом котле, но в другие дни он производил впечатление сваленных в мусорный бак кричащих безделушек. Сегодня получалось нечто среднее.

– Я передумала, – объявила водителю Лили. – Просто отвезите меня домой.

Глава 14

Дилан сидел в суде, ожидая, когда пристав объявит его дело, и тут ему на электронную почту пришло сообщение от Мэдлин. Дилан направил молодую женщину на нужный путь, но сам по-прежнему колебался, не желая светиться в деле Арло Уорда.

В книгах и кино частенько изображают, как адвокат с готовностью спешит защищать невинного. В конце концов, кому хочется защищать виновного, помогая ему спастись от справедливого возмездия за совершенные преступления? Однако в реальности невинный клиент – это кошмарный сон. Если адвокат проиграет дело, невинного человека упрячут в тюрьму. Или, при худшем сценарии, как в случае с Арло Уордом, его, возможно, предадут смерти. Подобные дела порождали атмосферу одержимого трудоголизма, когда Дилану приходилось работать по восемнадцать часов в сутки и спать у себя в конторе. Он твердил себе, что в настоящий момент не может браться за подобное дело. Оно не позволит ему должным образом заниматься Марки. И еще нужно было принять решение насчет приглашения в Лос-Анджелес.

Нет, он попросит подключиться к делу своего друга Роджера. С его помощью Мэдлин справится.

И все же Дилана не покидало беспокойство. Арло страдает серьезным психическим расстройством и, похоже, не отдает себе отчет в происходящем. Он думает только о том, как заработать деньги для своей семьи и увидеть собственное лицо в новостях. Это позиция ребенка.

Дилан открыл сообщение от Мэдлин. К нему было приложено извещение от прокуратуры о том, что защита будет требовать смертный приговор.

Дилан почти не раздумывал.

«Я перезвоню через час».

После окончания заседания – речь шла об угоне машины, и дело должно было продлиться еще месяц, – Дилан вышел из здания суда и сел на ступени. Ослепительное солнце резало глаза, и ему пришлось надеть темные очки. По лестнице в обе стороны сновал оживленный поток людей, поэтому Дилан вынужден был сдвинуться на самый край, чтобы получить хоть какое-то уединение.

– Прокуратура округа Джексон, – сказала секретарша.

– Здравствуйте. Я звоню по поводу дела Арло Уорда, и мне нужно поговорить с миз Уайтвульф.

– Минуточку.

В трубке раздался щелчок, затем заиграл приятный джаз. Наконец послышался женский голос:

– Келли Уайтвульф слушает.

– Здравствуйте, Келли. Не знаю, помните ли вы меня, я Дилан Астер. В последние годы у нас с вами было несколько общих дел.

– Я вас помню. Чем могу помочь?

Никаких любезностей. Плохой знак.

– Ну, я по просьбе одной знакомой просматриваю дело Арло Уорда и обратил внимание, что вы намереваетесь просить смертный приговор, так что, полагаю, о сделке со следствием речь не идет?

– Да, совершенно верно.

– Арло психически болен, и серьезно; вам это известно, так?

– Мистер Астер, позвольте остановить вас прямо сейчас. Я помню вас гораздо лучше, чем вы думаете. В том деле о краже со взломом, которое у нас было несколько лет назад, вы подали тридцать один протест.

– Тридцать один. Вы запомнили точную цифру, да?

– Вы произвели на меня впечатление адвоката, который не остановится ни перед чем, лишь бы выиграть процесс, независимо от того, что произошло в действительности. Я не желаю играть по таким правилам. Арло Уорд жестоко убил трех человек и едва не убил четвертую жертву. Если б я предложила сделку, то не представила бы народ штата Невада должным образом.

Дилан шумно выдохнул.

– Доводить до суда дело серьезно больного психически человека – не самое умное решение.

– Вы закончили? Меня ждут дела.

– По-моему, мы не там ищем. Я звоню вам потому, что, на мой взгляд, в деле есть определенные серьезные проблемы. Уверен, что, если хорошенько покопаться, всплывут новые проблемы, что позволит нам поставить вопрос о разумном сомнении¹². У Мэдлин просто нет необходимого опыта для воздействия на присяжных. Поэтому я считаю, что признание Арло невменяемым – это хорошее решение для всех.

– Чтобы через пару лет какой-нибудь занюханный психиатр выпустил его на свободу продолжать заниматься тем же самым? – Келли горько усмехнулась. – Я пас.

– Вы серьезно хотите сказать, что намереваетесь добиваться казни человека, который, возможно, не представляет себе, *что* сделал и почему?

– Да.

Потрясенный Дилан умолк. Ему уже приходилось сталкиваться с такими упрямыми прокурорами – но еще ни разу в деле, которое грозило обвиняемому смертным приговором. В таких процессах ставки очень высоки, и малейшие ошибки обеих сторон придирчиво изучаются при апелляции, поэтому прокуроры обыкновенно проявляют большую осторожность, чем обычно.

– Это неправильно. На мой взгляд, Арло не отдает себе отчета в происходящем.

– У меня много работы, мистер Астер, а вы даже не занимаетесь этим делом. Подайте заявление о готовности представлять интересы Арло, и я с радостью буду говорить с вами столько, сколько вам угодно. А до тех пор, пожалуйста, больше мне не звоните.

Она закончила разговор. Отняв телефон от уха, Дилан постучал его ребром по ладони. Эта дилемма стоит перед каждым адвокатом: делать добро тем, кто не может за себя постоять, или добиваться собственного финансового благополучия? По своему большому опыту Дилан знал, что обыкновенно одно исключает другое.

Чтоб тебя!

Он отправил сообщение своей секретарше:

Пожалуйста, подайте заявление о том, что я готов представлять интересы Арло Уорда, и продлите доверенности по всем моим делам на ближайшие несколько месяцев.

¹² Разумное сомнение – концептуальный термин англо-саксонского судопроизводства; доводы, представленные обвинением в суде, должны быть максимально очевидными и надежными, такими, чтобы устранить у участников процесса любые разумные сомнения в вине подсудимого; иными словами, если неопровержимых доказательств нет, можно трактовать сомнения в справедливости обвинения в пользу обвиняемого.

Глава 15

Дилан приехал в тюрьму округа Джексон один и сказал, что хочет встретиться с Арло Уордом. Ему пришлось ждать минут двадцать, поскольку было время обеда и ни одного свободного охранника, чтобы провести его внутрь, не оказалось. Когда охранник наконец появился, он был резок, немногословен и тщательно обыскал Дилана, после чего категорически приказал ему не прикасаться к арестованному.

На этот раз Дилана провели в комнату для встреч клиента и адвоката. Вошедший Арло был в оранжевой робе и белых шлепанцах. Руки у него были в кандалах, как и щиколотки. Охранник подвел его к столу и пристегнул цепь на ногах к стальному кольцу в полу, лишив Арло возможности передвигаться. После чего ушел.

– Прошу прощения за то, что прервал ваш обед, – сказал Дилан.

– Ничего страшного. К тому же еда все равно была отвратительной. – Громыхая цепью, Арло положил руки на стол. – Чем могу вам помочь, мистер Астер?

– Мы поговорили с Мэдлин, Арло, и я готов взяться за ваше дело. Я буду вашим защитником.

На лице у Арло появилась улыбка.

– Правда? – сказал он. – Это же просто здорово! Я читал, что пресса уделяет вам много внимания. Как вы полагаете, нас покажут в новостях? Не в местных, там меня уже показывали... Я имею в виду общенациональные новости.

– Как только начнется судебный процесс, средства массовой информации непременно за него ухватятся. Журналисты обожают подобные дела.

Не переставая улыбаться, Арло откинулся на спинку стула.

– Я уже начал работу над своей книгой. Надо будет прислать вам первые страницы.

– Арло, сделайте мне одолжение: если хотите, делайте записи, но пока не принимайтесь за книгу, хорошо? Тюремные власти могут конфисковать все написанное вами и предъявить суду в качестве признания вины.

Улыбка у Арло на лице погасла.

– Не могу. Память у меня п-плохая. Мне нужно записать все поскорее, иначе я многое забуду.

– Ну, тогда поступайте вот как: пишите на каждой странице: «Моему адвокату Дилану Астеру». В этом случае все написанное вами станет перепиской клиента со своим адвокатом, а ее неприкосновенность охраняется законом. И ее уже нельзя будет использовать в суде против вас. Договорились?

– Хорошо, я сделаю так, как вы сказали.

Откинувшись на спинку неудобного металлического стула, Дилан скрестил руки на груди.

– Вы хотите узнать про них, не так ли? – снова улыбнувшись, сказал Арло.

– Про «них»?

– У каждого шизофреника есть свои «они». ЦРУ, инопланетяне, чудовища под к-кроватью, призраки... в общем, «они».

Какое-то мгновение Дилан молча смотрел на него.

– А у вас есть «они»?

– Ну да, есть, – кивнул Арло. – Мне было пятнадцать лет, когда я впервые их увидел. Это было на кладбище рядом с нашим домом. Кладбище старинное, прежде на нем хоронили повешенных преступников. Так что там полно всякого плохого народа. Тех, кто убивал женщин и детей. Худших из худших.

Дилан предпочел не указывать на то, какое отношение это имеет к самому Арло. Вместо этого он спросил:

– И что произошло?

– Я возвращался домой с работы в кинотеатре. Было поздно. Посмотрел на кладбище и увидел, как что-то д-д-движется. Среди могил, очень быстро. – Умолкнув, Арло уставился на стол. – Я присмотрелся внимательнее, но ничего не увидел.

Он провел пальцем по столу, после чего долго молчал, и Дилан не перебивал его мысли. Очевидно, Арло было больно, и Дилан увидел у него на лице то, что никак не ожидал увидеть: страх.

– Я двинулся прочь от кладбища и вдруг увидел прямо перед собой... нечто. С виду это был вроде ч-человек, но у него с лица отваливались куски мяса. Глаза у него были прямо-таки огненно-красные. Он заревел на меня, словно дикий зверь. Я отпрянул назад, а когда снова поднял взгляд, его уже не было. – Арло сглотнул комок в горле. – Клянусь, я в жизни своей никогда не бегал так быстро! На следующий день я захватил с собой своего брата, и мы снова направились на кладбище. И тут что-то ударило меня сзади. Словно накатившая в-волна. Меня сбило с ног. Существо стояло надо мной, и я смог его рассмотреть.

Страх на лице у Арло перешел в безотчетный ужас.

– И что это было?

– Демон. Только так я и могу его описать. – Арло облизнул пересохшие губы, упорно не отрывая взгляд от стола. – Я закричал, призывая брата, но, когда тот подросел, демон уже исчез. Не осталось ничего. Ни следов на земле – ничего. Вот когда я понял, что со мной не все в порядке. А дальше становилось только хуже. Я начал видеть демона повсюду, поэтому в школе меня отправили на психиатрическую экспертизу. Мне сказали, что у меня шизофрения со зрительными и с-слуховыми галлюцинациями. – Шмыгнув носом, он вытер его тыльной стороной запястья. – Мне сказали, что дальше будет еще хуже.

– Вы по-прежнему видите демона?

Арло молча кивнул.

– Вы видели его в ту ночь, когда, как вам кажется, вы убили троих людей?

– Почему вы так говорите? Мне *кажется*, будто я их убил? Я их правда убил!

Арло заерзал на стуле. Дилан отметил, что подушечки пальцев у него стерты. Словно он постоянно тер что-то пальцами.

– Арло, я знаю, что вы этому противились, но мне бы хотелось, чтобы сюда пришел психиатр и побеседовал с вами. Полагаю, это поможет мне лучше понять, что происходит. И если вы не захотите, мы никому не раскроем результаты обследования. Вы не возражаете, если я пришлю к вам психиатра?

– А почему бы и нет? – Арло пожал плечами. – В моем распоряжении все время мира. По крайней мере, до тех пор, пока меня не казнят.

* * *

По дороге из тюрьмы Дилан позвонил доктору Лейтону Симмонсу, психиатру, чьими услугами пользовался уже не раз. Лейтон ответил после третьего гудка. Он учашенно дышал.

– Занимаешься? – спросил Дилан.

– На эллиптическом тренажере¹³. Лучшие упражнения. Что там у тебя?

¹³ Эллиптический тренажер – шаговый тренажер с подвижными поручнями, предназначенный для тренировки не только нижней, но и верхней половины тела, во время занятий на котором стопа движется по траектории, напоминающей форму эллипса, снимая нагрузку на суставы.

– Мне нужно, чтобы ты освидетельствовал одного клиента. Денег у него нет, но, думаю, я смогу сделать так, чтобы тебе заплатила администрация округа.

– Какова проблема?

– Он заявляет, что в пятнадцать лет ему поставили диагноз шизофрения, и я хочу выяснить, действительно ли это так.

– В чем его обвиняют?

– В тройном убийстве. Он настаивает на том, что это его рук дело, он был перепачкан с ног до головы кровью жертв, и он сделал полное признание, но мне кажется, тут что-то не так. Я хочу выяснить, не выдумывает ли он все это ради того, чтобы привлечь к себе внимание.

Дилан услышал, как эллиптический тренажер остановился.

– Ну, мне потребуется поработать с ним минимум сорок часов. В настоящий момент у меня запарка, но через два месяца я смогу...

– Ждать так долго нельзя. К этому времени уже начнется судебный процесс. Мне нужно, чтобы ты начал прямо сегодня же.

– Дилан, об этом не может быть и речи.

– В таком случае у меня нет выбора. Я напоминаю об одолжении.

– Значит, вот ты как? – усмехнулся Лейтон.

Несколько лет назад Дилан защищал шестнадцатилетнего сына Лейтона, которого поймали на том, что он продавал «травку» одноклассникам. Дилан добился для парня исправительных работ – и снятия судимости по достижении восемнадцати лет. Он взялся за дело бесплатно исключительно по одной причине: ему хотелось, чтобы Лейтон был ему обязан.

– Ну хорошо, я разгребу свои дела. Высылай мне всю информацию.

– Я тебе очень признателен.

– Не радуйся раньше времени. В таких случаях подозреваемые, как правило, признаются вменяемыми, и тогда мне придется показать в суде, что твой клиент полностью отдавал себе отчет в своих поступках. Так что не исключено, что я только тебе наврежу.

Глава 16

На протяжении следующих нескольких дней Дилан и Лили полностью сосредоточились на деле Арло Уорда. Мэдлин обещала добиться от администрации округа возмещения расходов на экспертизы и сказала, что отдаст половину своего гонорара: пятнадцать тысяч долларов. Из чего следовало, что фирма «Астер и Риччи» будет защищать обвиняемого в тройном убийстве по минимальным расценкам, учитывая то, сколько сотен часов партнерам придется потратить на дело.

– Широкий общественный резонанс с лихвой компенсирует небольшую оплату, – заметила Лили, сидя в кабинете.

– Что это тебя в последнее время так волнует общественный резонанс?

Лили помолчала.

– Есть кое-какие вещи, которые требуют более высокого дохода. Поэтому я стараюсь обеспечить, чтобы наша фирма из года в год демонстрировала рост. А громкие дела, привлекающие много внимания, являются неотъемлемой составляющей моего плана.

Через неделю после встречи с Арло партнеры собрались в тесном кабинете Мэдлин в Сицио. Здание находилось рядом с окружным судом, и на весь этаж имелась всего одна секретарша. А туалет был один на все здание.

Из окна четвертого этажа должен был открываться вид на здание суда, однако на подоконнике высились кипы бумаг. Лишь две личные вещи украшали кабинет: фотография Рут Бейдер Гинсбург¹⁴ и композиция из исторических флагов Гаити, родины Мэдлин.

Заседание, на котором предстояло назначить дату предварительных слушаний дела, должно было начаться через полчаса.

– Итак, – вздохнула Мэдлин, – что дальше?

– Все зависит от Арло, – сказала Лили. – Своим отказом признать себя невиновным он связывает нам руки.

– Именно. Мне очень хотелось бы заставить его передумать.

– Пока это не имеет значения, – сказал Дилан. – В настоящий момент мы отрицаем все. Нам нужно решительно противодействовать всему, что скажет обвинение. Если оно заявит, что небо голубое, мы должны будем возразить и подать протест, утверждая, что это не так. Жаловаться, отрицать, кричать, спорить по каждому вопросу, чтобы всемерно мешать работе обвинения. Возможно, это заставит Келли смягчить свою позицию и согласиться на невменяемость Арло, отправив его в психиатрическую лечебницу штата.

– Удачи вам в этом, – пробормотала Мэдлин. – Мне уже довелось много работать с прокурором Уайтвульф. Пожалуй, другого такого упрямого человека я не встречала.

– Тут другое дело. Келли идет на огромный риск, не предлагая компромиссных вариантов, поскольку может вообще проиграть дело. Тут замешано что-то личное, о чем она не говорит.

– Например?

– Понятия не имею. – Дилан пожал плечами. – Но нам нужно это узнать.

¹⁴ Джоан Рут Бейдер Гинсбург (1933–2020) – американский юрист, член Верховного суда США, для многих американцев – символ борьбы с дискриминацией (прежде всего гендерной) и принципиального антиконсервативного правосудия.

* * *

Разбирать дело Арло Уорда был назначен судья Тимоти В. Хэмилтон. Дилан знал его по многим совместным делам, поскольку в прошлом Хэмилтон был заместителем окружного прокурора округа Кларк.

В юриспруденции есть так называемое философское направление Трутера, названное по имени профессора права Йельского университета, который впервые его сформулировал.

Основополагающий принцип этого направления заключается в том, что присяжные и судья должны слышать абсолютно все обстоятельства дела безо всяких исключений. Если полицейские нарушили чьи-то конституционные права, их необходимо наказать в административном порядке, однако собранные ими доказательства все равно нужно использовать в деле. «Истина гораздо важнее любых нарушений Четвертой поправки¹⁵, – говорил учивший Дилана преподаватель, сторонник направления Трутера, – а целью судебного процесса являются поиски истины».

Однако сам Дилан был категорически не согласен с этим. Если полицейский один раз убедится в том, что нарушение чьих-то прав не имело для него практически никаких последствий, что помешает ему впредь всегда поступать так же? Дилан считал, что философия Трутера, приложенная к юридической системе Соединенных Штатов, очень быстро разорвет в клочья Конституцию, превратив ее в никчемную бумажку.

А вот судья Хэмилтон был ярким сторонником Трутера.

Единственным плюсом для Дилана и Лили было то, что Хэмилтон обожал внимание средств массовой информации. В одном громком деле, в котором они работали вместе, еще когда Хэмилтон был прокурором, он опередил Дилана и принялся раздавать интервью направо и налево всем, кто был готов его слушать. Прокуроры поступают так крайне редко, поскольку их могут обвинить в попытке влияния на присяжных, и риск негативных последствий высок. Все считали, что Хэмилтон поступает так, добиваясь увеличения вероятности вынесения обвинительного приговора, однако Дилан догадался, в чем дело: Хэмилтон вел себя так просто потому, что не мог иначе. Объективы журналистских фотокамер он любил больше юриспруденции. Однако ему трудно было не избрать для себя это поприще, поскольку и отец, и дед его были судьями. Дилан подозревал, что Тимоти Хэмилтон терпеть не мог свою должность судьи, поскольку те почти никогда не привлекают к себе внимание прессы.

Зал, в котором проводил заседания судья Хэмилтон, был небольшим. Он мог вместить человек пятьдесят, не больше, и Дилан предположил, что если дело Арло Уорда будет передано в суд, зал будет набит битком изо дня в день. Больше всего на свете средства массовой информации любят кровавые трагедии с вызывающими сочувствие жертвами и обвиняемыми, к которым широкая общественность испытывает только лютую ненависть.

Дилан сел за стол защиты рядом с Лили, а Мэдлин устроилась в конце стола.

Ввели Арло. Прежде чем занять свое место, он широко улыбнулся своим защитникам и пожал им руки. Через мгновение появились обвинители. Их было двое: Джеймс Холден и Келли Уайтвульф. Спокойный и трезвомыслящий Холден был симпатичен Дилану. У него мелькнула мысль попробовать убедить Холдена в том, что невменяемость подсудимого – лучший выход, а уже затем Холден попробует убедить Келли.

– Всем встать, – сказал судебный пристав. – Заседание суда десятого судебного округа штата Невада открыто. Председательствует его честь Тимоти Хэмилтон.

Судья Хэмилтон вошел в зал и занял свое место.

¹⁵ Четвертая поправка к Конституции США входит в Билль о правах (первые десять поправок, закрепляющие гражданские права и свободы) и запрещает необоснованные обыски и задержания.

– Итак, мы здесь по делу «Штат Невада против Арло У. Уорда». Прошу сторонам назвать себя.

– Келли Уайтвульф и Джеймс Холден представляют штат Невада.

– Лили Риччи, Мэдлин Исмера и Дилан Астер представляют интересы мистера Уорда, – встав, сказала Лили.

Судья смерил взглядом Дилана:

– Рад снова вас видеть, мистер Астер.

– И я тоже рад вас видеть, ваша честь.

– Давненько вас здесь не было.

– Я предпочитаю домашние игры, ваша честь. К чему отказываться от преимущества домашней площадки?

Усмехнувшись, судья бросил взгляд на экран компьютера.

– Итак, похоже, все в сборе. Я хочу назначить предварительные слушания через две недели. Семнадцатое число, четверг. Это всех устраивает?

– Да, ваша честь, – сказала Лили.

– Просто замечательно, – сказала Келли.

– В таком случае дата назначена. У вас есть еще какие-нибудь вопросы?

– Всего одна мелочь, ваша честь, – встав, обратилась к судье Келли. – Наш криминальный эксперт доктор Лэнг обнаружил на теле одной из жертв две ресницы, возможно, принадлежащие преступнику, поскольку ни с кем из жертв совпадения нет. Мы просим, чтобы мистеру Уорду приказали предоставить образцы своих ресниц для сравнительного анализа. Это можно было бы сделать прямо сейчас, здесь, в суде.

– Возражаю, – поднявшись, объявил Дилан. – У обвинения было достаточно времени для того, чтобы взять для анализа ресницы моего клиента, однако по какой-то причине оно не удосужилось это сделать. На мой взгляд, сейчас неподходящее время для того, чтобы пройти такую болезненную процедуру, как вырывание ресниц.

– Это же абсурдно, ваша честь, – усмехнулась Келли. – Суд считает совершенно естественным брать такие образцы, как ногти, кровь, волосы, моча и все остальное. А в получении ресниц нет ничего болезненного.

– Я не согласен, ваша честь. Вырывание ресниц – агрессивная операция, которая может привести к травматическим последствиям, а никакой пользы обвинению она не даст. Изучение многочисленных дел по всему миру показывает, что криминалист не может сделать заключение о принадлежности волоса подозреваемому с вероятностью, выходящей за рамки случайного совпадения. Посему мы готовы передать обвинению одну ресницу в качестве жеста доброй воли, но и только.

– Бред какой-то! Мы просим суд потребовать от обвиняемого немедленно предоставить образец своих ресниц.

Судья Хэмилтон задумчиво помолчал. Келли была права: подобную рутинную просьбу удовлетворяли в девяти случаях из десяти. И то обстоятельство, что судья задумался, могло означать лишь одно: он не хуже Дилана понимал, что это дело привлечет повышенное внимание и будет широко освещаться по телевидению. Любое решение судьи будет придирчиво разбираться общенациональной аудиторией юристов, а также избирателей, обладающих властью сместить Хэмилтона на предстоящих выборах.

Хэмилтон хотел показать себя опытным, вдумчивым судьей. Поэтому он не мог без тщательных размышлений немедленно соглашаться на любые запросы обвинения.

– Сколько ресниц необходимо обвинению для проведения сравнительного анализа?

От шока, который Дилан увидел у Келли на лице, ее нижняя челюсть запросто могла бы удариться об пол. Она ответила не сразу:

– Нам нужно по реснице со всех участков век, поскольку мы не знаем, откуда именно происходят найденные образцы. Полагаю, нам понадобится двадцать ресниц.

– Двадцать? – изобразив негодование, воскликнул Дилан. – Ваша честь, давайте уж сразу обреем моего подзащитного наголо. Мы согласны на одну ресницу. Это причинит минимальную травму и в то же время обеспечит обвинение тем, что оно требует. Прежде чем суд примет решение, мы просим слушания по поводу ресниц.

– Что? – наконец повернулась к нему Келли. – Никакого слушания не нужно!

– Я не согласен.

– Ваша честь, это очевидная попытка защиты затянуть дело в надежде на...

– Ваша честь, налицо явное оскорбление, и мне совсем не нравятся намеки миз Уайтвульф. Я просто пытаюсь защитить достоинство своего клиента и его право на...

– Достоинство? Вы шутите? Он полностью потерял все свое достоинство, когда бросил эту бедную девочку лицом в костер!

– Ваша честь! Мне не нравится тон обвинителя, и я прошу суд сделать миз Уайтвульф замечание за подобные...

– Замечание! Поцелуй меня в...

– Так, – поспешно вмешался судья Хэмилтон, – успокойтесь оба! – Он постучал ручкой по столу. – Я назначаю слушание по вопросу ресниц на тот же день и время, что и предварительные слушания, и тогда мы обратимся к этому вопросу. Пожалуйста, оба, подайте все необходимые документы по крайней мере за день до этого. У сторон есть еще что-нибудь?

– Один момент, ваша честь, – сказал Дилан. – Мы просим освободить мистера Уорда под залог.

– Это же безумие! – воскликнула Келли. – Этот подонок убил трех человек и пытался убить четвертого, и у меня нет никаких сомнений, что он постарается довести дело до конца, если его выпустят на свободу!

– По-видимому, миз Уайтвульф начисто забыла слово «предположительно». Это Америка, и у нас по-прежнему существует презумпция невиновности. Человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не будет доказана. Я прошу суд напомнить миз Уайтвульф об этом.

– Ваша честь, – несколько успокоившись, сказала Келли, – ни в коем случае нельзя рисковать, выпуская подозреваемого на свободу. Мы уже рассмотрели запрос на освобождение под залог на первом слушании, и он был отклонен. Нет смысла возвращаться к этой теме.

– Ваша честь, мистер Уорд проявил полную готовность сотрудничать с органами правосудия и готов отправиться в тюрьму. В прошлом за ним не было замечено никаких противоправных действий, у него нет даже штрафов за нарушение правил дорожного движения, если не считать превышение скорости, предположительно имевшее место в тот же день. У мистера Уорда есть жена и дочь, а также связи в церковной общине. Его следует освободить под залог.

Дилан видел, что судье Хэмилтону очень хочется сказать ему, как нелепо смотрятся подобные доводы в деле о тройном убийстве, однако он сдержался. Вместо этого судья просто сказал:

– Я отказываю в вопросе освобождения под залог. Благодарю вас. Буду ждать от вас необходимые документы.

Выходя из зала суда, Келли бросила гневный взгляд на Дилана, однако Джеймс быстрым кивком показал, что прекрасно понимает – такая у него работа.

Дилан посмотрел на Арло. Тот сидел, уставившись в окно, и адвокат понял, что он не обращал внимания на происходящее, возможно, даже вообще ничего не слышал.

У него возникла мысленная картина: Арло Уорда, потенциально невиновного человека, страдающего серьезным психическим расстройством, привязывают к столу и делают ему смертельную инъекцию. Негромкий размеренный электронный гул; первый препарат парализует Арло, второй является анестезирующим средством, а третий вызывает остановку сердца. Ему

потребуется примерно шесть минут на то, чтобы умереть, и все это время он по-прежнему не будет сознавать, что с ним происходит и почему.

Дилан почувствовал, что, если такое случится, он себе этого никогда не простит.

– Да, это была самая настоящая драка, – заметила Мэдлин.

– Если вы полагаете, что это была драка, подождите, пока начнется судебный процесс.

Глава 17

Из двоих партнеров составлением всей юридической документации занималась Лили. Она была дотошная, аккуратная и практически абсолютно бесстрастная, в то время как Дилан был неорганизован, отличался взрывным характером и наслаждался анархией. Во время учебы на юридическом факультете Лили обыкновенно готовила за Дилана все письменные работы, а он, в свою очередь, учил ее приемам ведения перекрестных допросов, помогая получать хорошие оценки на практических занятиях.

Дилан ознакомился с составленной Лили справкой по поводу ресниц за неделю до слушаний.

– Это гораздо подробнее того, что, по моему мнению, нам нужно, – сказал он. – Я заявил протест только потому, что хотел увидеть реакцию Хэмилтона. А твоя справка, возможно, убеждает его в нашей правоте.

– Я не люблю делать дела наполовину. – Лили откинулась на спинку кресла. – Хочешь, чтобы я подтвердила свою позицию фактами?

– Да, – сказал Дилан, бросая справку ей на стол.

Они дожидались доктора Симмонса, который должен был изложить свое мнение по поводу Арло Уорда. Чтобы скрасить ожидание, Дилан спросил:

– Как дела у старины Джейка?

– Замечательно. Недавно купил себе «Бентли».

– Не думал, что тебя интересуют такие вещи.

Запищал коммутатор, и секретарша доложила:

– Пришел доктор Симмонс.

– Пусть войдет.

В кабинет вошел Лейтон Симмонс в наглухо застегнутой серой рубашке и джинсах. Внешне он совсем не соответствовал тому, каким, по мнению Дилана, должен быть психиатр. У него перед глазами скорее возникал образ Фрейда, а Лейтон был похож на тренера заштатной баскетбольной команды. Швырнув на письменный стол Лили несколько листков, соединенных скрепкой, он сел на диван и сказал:

– Какой вариант вы предпочитаете – длинный или короткий?

– Как насчет того, чтобы остановиться на чем-то среднем? – сказал Дилан.

Лейтон проследил за тем, как Лили пролиставала его отчет.

– Итак, я поработал с Арло сорок часов и теперь готов с чистой совестью изложить свое мнение в суде. Мой предварительный диагноз: у него шизофрения. Галлюцинации, приступы, ежедневные мучения полностью соответствуют этому. Нам нужно будет провести МРТ и КТ, а также сделать анализы крови, чтобы исключить физические причины, но я считаю, что первоначальный диагноз верен.

– Главный вопрос, Лейтон: Арло лжет?

– Первое впечатление? Да, вероятно, лжет.

– Вы действительно считаете, что Арло, возможно, не убивал этих людей? – подняла брови Лили.

– На мой взгляд, налицо типичный случай человека, который никогда в жизни не знал любви и внимания. – Лейтон кивнул. – Его собственный отец также был психически нездоров и вел себя с родными жестоко. Насилие в семье достигло такого градуса, что Арло забрали из семьи и на протяжении нескольких лет передавали от одних приемных родителей другим, пока наконец его собственным родителям не вернули родительские права. Мать не могла греть сына своей любовью, поскольку сама была жертвой и думала только о том, как остаться в живых. В детстве над Арло издевались за его крайнюю худобу и заикание; вероятно, так про-

должалось с детского сада до окончания средней школы. Арло не смог вспомнить ни одного своего друга; он играл в видео- и настольные игры по десять-двенадцать часов в день. Для него это было бегством от окружающего мира: именно к этому стремится мозг при подобном расстройстве.

Дилан подумал о том, какой вред родители могут причинить своим детям, даже не прибегая к насилию.

– Если мы вызовем тебя в суд, – сказал он, – что ты скажешь о причинах такого расстройства?

– На самом деле мы не до конца понимаем причины возникновения этого заболевания, но, похоже, в данном случае речь идет о генетической предрасположенности и сильной психической травме, полученной в детстве. Мозг пытается как может защититься от травмы, но если дело доходит до того, что страдания становятся невыносимыми, он может просто расколоться, а это и есть шизофрения.

– А почему ты думаешь, что Арло врет?

– Несмотря на то что у него есть жена и дочь, я считаю, что он прожил в полной изоляции всю свою жизнь. Я не верю, что Арло способен установить прочную связь с другим человеческим существом. Когда я спросил у него, почему он женился, Арло ответил: «Ну, всем положено так делать». Для такого человека, полностью отрезанного от общества и других людей, соблазн привлечь к себе внимание, взяв ответственность за подобное преступление, будет непреодолимым.

У Лейтона завибрировал сотовый; взглянув на экран, он переадресовал вызов на голосовую почту.

– Также нельзя сбрасывать то обстоятельство, что у Арло нет криминального прошлого. Никакого. Человек, который смог зверски расправиться с тремя жертвами, изуродовать трупы и живописно их разложить, практически наверняка должен иметь длинный список антисоциального поведения. Скорее всего, несколько обвинительных приговоров за насильственные преступления и постоянные нарушения требований условно-досрочного освобождения. В подростковом возрасте такой человек неоднократно демонстрировал жестокость по отношению к животным, друзьям и родным, однако ничего такого нет. Арло Уорд – безобидная мышка.

У Лейтона снова завибрировал телефон.

– Прошу прощения, – сказал он и быстро набрал ответ. – Да, кстати, я пытался поговорить с его женой, но она бросила трубку.

– Она не желает говорить ни с кем, – подтвердил Дилан. – Вероятно, до смерти боится, что еще больше усугубит положение мужа.

– А как вы объясните все улики против Арло, – спросила Лили, – если, на ваш взгляд, он просто приписывает себе чужое преступление?

Лейтон убрал телефон в карман.

– Мое предположение? Я думаю, что Арло случайно набрел на место преступления уже после совершения убийства и перепачкался кровью. Вот почему у него не было ни биты, ни ножа, и он не получил никаких травм. Также Арло быстро начинает путаться в деталях, и его рассказ слегка меняется от раза к разу. Так, один раз он показал, что Холли Фоллоуз была в футболке, а другой раз – в свитере. Лежащие у костра банки были с пивом «Бадвайзер», но затем Арло сказал, что это было «Курс». Он сказал следователям, что ударил Майкла битой по затылку, когда тот попал в капкан, однако коронер установил, что все удары были нанесены спереди в лобную область. Все показания Арло очень подробны и на первый взгляд кажутся правдоподобными, но если изучить все то, что он рассказал с момента задержания и до настоящего времени, цельный и связный рассказ не получится. Поймите меня правильно. Против Арло масса улик, но вот что подсказывает мне нутро: он хочет приписать себе то, что не делал.

– И ты готов показать это в суде? – спросил Дилан.

– Ну, утверждать это как медицинский факт я не могу, но таково мое мнение. Догадка. Если вы хотите ее подкрепить, у меня есть предложение.

– Какое?

– Регрессивный гипноз. С его помощью десятки пациентов вспоминали детали события, которое не помнили. В прошлом это давало результат, и, возможно, имеет смысл попробовать. Но есть один риск.

Откинувшись на спинку кресла, Дилан уставился в потолок.

– Если Арло признается в том, что совершил преступление, и обвинение проведает об этом, оно сможет предъявить результаты в суде, подкрепив ими признательные показания Арло.

– Совершенно верно. Но решать вам. Я не юрист. Что вы выбираете?

Дилан посмотрел на Лили.

– Я предлагаю рискнуть. Хуже для нас это дело уже не станет.

– Согласна. И, полагаю, мы должны будем при этом присутствовать.

– Для того чтобы Арло полностью сосредоточился, мы должны остаться вдвоем – только он и я, – возразил Лейтон.

– Можно будет перевезти Арло в управление шерифа и воспользоваться комнатой для допросов, где есть стекло с односторонним обзором.

– Ну хорошо. – Лейтон зевнул. – Договаривайтесь, и я подъеду. Но только помните: если результат будет отрицательный, решение принимали вы, а не я.

Глава 18

Холли не могла обернуться, чтобы посмотреть на него.

Он был в футболке и джинсах, с широким кожаным напульсником на руке. Холли поставила машину перед зданием клиники на стоянке для инвалидов, а он курил на улице. Они встретились взглядами. Он проследил, как она выходит из машины. Подойдя к стеклянным дверям, Холли увидела в отражении, как он выбросил окурочек и последовал за ней.

В лифте он застыл у нее за спиной. От этого у нее волосы на затылке встали дыбом, и она с трудом сглотнула подкативший к горлу клубок, поскольку во рту у нее пересохло. Крепче стиснув костыль, Холли мысленно взмолилась о том, чтобы появился еще хоть кто-нибудь.

В кабине лифта они ехали вдвоем, и Холли чувствовала на себе его взгляд. Она прислонилась к стенке кабины, стараясь как можно больше отдалиться от него.

– Что с вами случилось? – спросил он.

Холли снова сглотнула комок в горле, стараясь унять бешено колотящееся сердце.

– Попала в аварию, – с трудом выдавила она, и голос у нее дрогнул.

Он улыбнулся, и Холли ощутила волну страха, разлившуюся по всему телу. Казалось, в груди зародился крик, стремящийся вырваться наружу.

Звякнув, кабина остановилась на четвертом этаже, и он вышел.

Когда двери закрылись, Холли поймала себя на том, что у нее трясутся руки.

* * *

Она все еще боролась со слезами, когда медсестра провела ее в кабинет психотерапевта. Кабинет был щедро оформлен произведениями искусства: африканские маски, японские рисунки, классические статуэтки и ковры с Ближнего Востока. Усевшись в мягкое кресло, Холли уставилась на одну маску – белую, с красными подтеками на щеках, словно она плакала кровью. Когда они с Майклом познакомились на вечеринке по случаю Хэллоуина, на нем была похожая. Майкл прокомментировал костюм Холли, повторяющий одежду Миранды¹⁶, персонажа компьютерной игры, в которую Холли и ее сестра когда-то играли. Проговорив целый час на кухне, они отправились гулять вдвоем по улице и поцеловались, после того как обменялись номерами телефонов...

Холли постаралась прогнать прочь все мысли о Майкле, поскольку понимала, что не сможет действовать, если провалится в этот колодец.

Доктор Мейн сидел в кресле, закинув ногу на ногу, с блокнотом на коленях.

– Ну, как ваши сновидения? – спросил он. – Как обстояли дела на этой неделе?

– Мне по-прежнему снились кошмары. Прошлой ночью был новый кошмар.

– И какой же?

Холли вонзила ногти себе в ладонь, стараясь отвлечься вызванной этим болью.

– Я попала в капкан, а ко мне бежала тень. Я не могла освободиться. Вынуждена была оставаться на месте и ждать, когда тень до меня доберется.

– И что произошло, когда она до вас добралась?

Холли сглотнула комок в горле.

– Тень меня поглотила.

– Поглотила?

¹⁶ Возможно, имеется в виду Миранда Лоусон из серии научно-фантастических ролевых боевиков «Эффект массы».

– Она меня обволокла, – кивнула Холли, – и я видела вокруг сплошной мрак. – Она издала смешок, в котором не было веселья. – Забавно – проснувшись, я решила, что и вправду умерла. И знаете, что подумала? Ну и хорошо! Разве это справедливо, что Эйприл, Майк и Уилл погибли, а я до сих пор жива? Они были лучше меня. Они не должны были...

– Мы уже много раз проходили через это, Холли. Чувство вины оставшегося в живых – это часть вашего посттравматического стресса. Оно затуманивает ваше сознание, заставляя верить в то, что на самом деле не является правдой.

– Но я могла бы что-нибудь сделать! – настаивала Холли, стараясь изо всех сил сдержать слезы. – Я могла бы попытаться освободить Майкла, или, может быть... может быть, Эйприл была еще жива, и если б я поспешила к ней... если б я поспешила к ней...

Наконец хлынули слезы, и она закрыла лицо руками. Доктор Мейн поставил перед ней пачку бумажных платков.

– Временами я даже не могу дышать, – всхлипывая, произнесла Холли. – Я больше не знаю, кто я и что делаю...

Доктор Мейн сочувственно посмотрел на нее, и ей захотелось узнать, что это, искреннее чувство или профессиональный прием всех психотерапевтов.

– Вы учитесь жить дальше. Вот что вы делаете. И я вам обещаю, что со временем вам будет лучше. Полностью это чувство никогда не пройдет, но вам будет лучше.

Холли вытерла слезы.

– Я в это совсем не верю.

Глава 19

Келли сидела у себя в кабинете и разговаривала по телефону со своими дочерями.

– Мамочка, она съела последний кусок пиццы, а он был мой, и я ей сказала, что он мой!

А потом она мне сказала, что лучше бы я вообще не появилась на свет!

Откуда-то из глубины дома донесся голос Беллы:

– А она мне сказала, что я не родная дочь!

– Бетани, послушай меня: вы сестры, и вам нужно учиться самим решать свои проблемы. Я не смогу решать их за вас до конца жизни. Так что вам нужно сесть рядышком и подумать, что делать. А сейчас мне пора идти, увидимся вечером. Я вас люблю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.